Слухи

Автор:
Хейди Перкс

Слухи

Хейди Перкс

Психологический триллер (АСТ)

Анна Робинсон любит посиделки в пабе с приятельницами. Там она наконец может на пару часов перестать быть респектабельной женой и матерью и стать свободной, веселой, хохочущей над каждым пустяком болтушкой…

Но однажды Анна исчезает на обратном пути из паба.

Женщины, бывшие с ней в тот вечер, рассказывают совершенно разные версии того, что происходило во время вечеринки и чем она закончилась.

Полиция медлит. Расползаются слухи и сплетни – невинные, ядовитые, грязные…

Подруга детства Анны Грейс Гудвин, недавно переехавшая с дочерью в тот же городок, чувствует: что-то здесь не так. Что-то не сходится.

Она начинает собственное расследование…

Хэйди Перкс

Слухи

Heidi Perks

THE WHISPERS

Печатается с разрешения Rachel Mills Literary Ltd. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Heidi Perks, 2021

© Перевод. О. Мышакова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Хэйди Перкс успела полюбиться российскому читателю как автор увлекательных психологических триллеров «Теперь ты ее видишь», «Вернись ради меня», «Три идеальные лгуньи».

В новом романе вас ждут новые загадки и тайны.

* * *

Саспенс нарастает по мере того, как на читателя обрушивается ряд вопросов: кто лжет и почему и как далеко может зайти человек, чтобы защитить себя. Тревожный взгляд автора на ту дружбу, которая способна отравить все хорошее, найдет отклик у многих.

Publishers Weekly

Пролог

1 января, среда

Тело нашли на пляже, у подножия скалы Крейна, хорошо известной жителям Клируотера. За несколько десятилетий немало людей совершили роковой шаг с гибельного обрыва.

Полицейский стоял на каменистом берегу недалеко от рыбачьих хижин, лепившихся к скале, как ласточкины гнезда. Сейчас хижины пустовали, как часто бывает в середине зимы. Холод и запустение всегда казались ему гнетущими, а сегодня одиночество ощущалось особенно сильно.

Передернув плечами, он отступил, чтобы не мешать работать группе экспертов, и зашагал по галечному пляжу туда, где оставил свой автомобиль. Парковка начиналась по другую сторону каменной подпорной стены, служившей преградой волнам, разгуливавшимся в шторм. Сегодня море было гладким, как мельничный пруд. Через несколько часов здесь наверняка появятся какие-нибудь заядлые яхтсмены, а то и чокнутые серфингисты, решившие отметить Новый год увеселительной морской прогулкой, но пока берег пустовал.

Полицейского не вызывали на место происшествия, но, едва услышав о случившемся, он понял, что должен все увидеть своими глазами. Когда-то его первое расследование тоже началось на этом пляже. Правда, в тот раз со скалы сорвалась девочка, а не взрослая женщина, мать.

Он помнил все обстоятельства, словно это было вчера, хотя подобные трагедии в Клируотере происходили нечасто. Находки вроде мертвых тел неизменно становились потрясением для местных жителей – и тогда, и сейчас.

Дойдя до машины, полицейский помедлил, оглянувшись на скалы. Задаются ли коллеги вопросом, который не давал ему покоя: можно ли было предвидеть эту беду и предотвратить ее?

Три недели назад Грейс Гудвин приходила в полицию сообщить о преступлении, но говорившие с ней детективы отказались поверить, что у нее есть основания для тревоги. Однако первым звонком сегодня с утра было не поздравление с Новым годом, а новость, что у скалы Крейна найден труп женщины.

Часть I

Четыре месяца назад

Перешептывания начались в первый день осенней четверти. Как это часто бывало, мамаши, привезя детей на уроки, оживленно болтали на игровой площадке. Пообщаться удавалось только здесь, а поскольку они не виделись целое лето, тем более разговоров накопилось предостаточно. Они не были подругами, эти мамаши одноклассников, однако неизменно слетались на свежую сплетню, чтобы не пропустить ничего интересного из того, что происходило за школьными воротами.

Сегодня всеобщее внимание привлекло появление нового лица. Молодая женщина выделялась красивым загаром медового оттенка, гладкие рыжие волосы были стянуты в хвост, а стройные ноги в белых джинсах с обрезанным краем казались еще длиннее. Даже в золотистых сандалиях с завязками дама была высокой – не менее пяти футов восьми дюймов. Рядом с ней стояла маленькая девочка с забавными темными хвостиками.

К ней подошли знакомиться. Выяснилось, что новенькую зовут Грейс Гудвин. В ее речи улавливался легкий австралийский акцент, и этого было достаточно, чтобы ее обступили и засыпали вопросами.

Вскоре все узнали, что Грейс вернулась из Сиднея три недели назад и что она сама когда-то ходила в эту школу. Среди женщин послышались голоса, что ее имя им вроде бы знакомо. Новенькую спросили, не меняла ли она фамилию, и Грейс ответила, что нет, однако никто из женщин не вспомнил ее как свою одноклассницу, а уточнять, сколько ей лет, сочли бестактным.

Грейс жила в Клируотере до семнадцати лет, а потом семья переехала в Австралию из-за работы отца. Пять лет назад родители вернулись в Англию – у тетки Грейс сильно ухудшилось здоровье, – но Матильде было тогда всего три года, и Грейс с дочерью оставалась в Сиднее до нынешнего лета.

Матильда была зачислена в четвертый класс «С», где учились дети многих из собравшихся мамаш. Одна из них заговорила о приглашениях в гости и достала телефон, чтобы убедиться, что Грейс включена в родительский чат в «Вотсапе».

– Обязательно заходите в чат, – произнесла мамаша. – Там все, что надо знать о домашних заданиях, торжественных линейках, школьных мероприятиях. Просто бросьте сообщение, и кто-нибудь вам ответит.

Новенькая улыбнулась и охотно назвала свой номер, не отрывая взгляда от игровой площадки, словно она кого-то высматривала.

Тридцати с небольшим лет, Грейс Гудвин была очень красива и держалась естественно и с достоинством. Она словно не старалась принарядиться к первому школьному дню, но все равно притягивала взгляды.

– Значит, ваши родители живут поблизости? – поинтересовалась другая мамаша.

Грейс ответила сразу всем, что сначала ее родители перебрались в Лестер, поближе к сестре отца, а когда три года назад скончалась ее тетка, а затем отец, мать отчего-то решила остаться там.

Кто-то предположил, что теперь-то она вернется в Клируотер, к дочери и внучке, но Грейс покачала головой.

– А кто ваш муж? Он тоже из Клируотера?

– Грэм работает в Сингапуре. Он руководитель проекта в крупной фармацевтической компании.

– Надо же! Получается, вы сюда одна приехали?

Оказалось, так и есть. Узнав, что Грейс снимает квартиру в Уотервью, фешенебельном современном жилом комплексе, высившемся около дороги на Уэймут, собеседницы поняли, что деньги для новенькой не проблема. Правда, апартаменты в Уотервью предназначались скорее для молодых пар – при комплексе имелся свой спортзал и бар, чем для семей с детьми. Значит, заключили мамаши, это явно временный вариант.

Все переключились на Грэма с его сингапурской должностью после новости, что до начала июля он работал в Европе. Грейс сообщила им об этом с улыбкой и повела плечиком, будто не видя ничего особенного в том, что муж находится так далеко. Однако женщины понимали, как тяжело ей дался переезд в Англию, ведь супруг отбыл в противоположном направлении. Впрочем, копать глубже было еще рано – они познакомились лишь несколько минут назад.

Грейс пояснила, что Грэм привык жить за границей и Матильда совершенно нормально воспринимает ситуацию. Дальше собеседницы расспрашивать не решились, хотя между собой потом обсуждали, какой же муж отпустит от себя жену.

– А почему же вы сюда вернулись? – недоумевала одна из мамаш.

Клируотер – маленький городок на длинном узком мысе на южном побережье Англии; единственная дорога ведет в Уэймут. Один въезд и один выезд, не считая водных путей. По одну сторону Клируотера тянулся длинный галечный пляж, с другой – маленькие карстовые пещеры. Места живописные, но здесь тихо и почти не бывает туристов, предпочитающих оживленный Уэймут. В общем, подобный выбор всем показался странным.

– Вероятно, потянуло на малую родину, – отозвалась Грейс, продолжая выискивать кого-то взглядом.

– Вы кого-то ждете? – спросила одна из мамаш.

– Да, – кивнула она. – Анну Робинсон.

– Маму Итана? Итан тоже в четвертом «С»! Так вы знакомы с Анной?

– Мы были лучшими подругами. А познакомились тут, когда нам было по пять лет. – Грейс показала на площадку.

– Здорово! – воскликнула одна из женщин, хотя все подумали: «Ну, это называется пустить лису в курятник».

В следующие несколько минут выяснилось, что Грейс с Анной были неразлучны, пока Грейс не увезли в Австралию. В отсутствие братьев и сестер девочки росли почти как родные; Анна дневала и ночевала в доме у Грейс.

Тут кто-то заметил в воротах Анну, как всегда, в окружении близких подруг. Анну в городе любили. Она неизменно была отзывчивой и дружелюбной, а ее сын Итан, популярный в школе мальчик, в жизни не сказал худого слова ни одному из одноклассников.

Анна являлась в школу с улыбкой и никогда ни с кем не ссорилась, но, как все знали, входила в подчеркнуто обособившуюся четверку – они познакомились в первый день обучения своих детей и с тех пор стали не разлей вода. Утром около школы они стояли вместе, обнимая друг друга за плечи, пересмеивались и перешептывались. Довольно ребячливое поведение для женщин лет за тридцать и даже чуть за сорок.

Вот и сейчас на дорожке показалась дылда Нэнси, на голову выше Анны, прижимавшая ее к себе, заходясь от хохота. Рейчел на чересчур высоких каблуках и в черной юбке-карандаш, одетая для своего офиса в Уэймуте, тоже смеялась, пока ее тянули вперед двое сыновей. Рядом с ними хихикала Кейтлин, зажимая рот ладонью.

Грейс двинулась им навстречу, и через несколько мгновений Анна заметила ее. У нее широко раскрылся рот, но изумленное выражение лица сразу сменилось веселой улыбкой, и она кинулась к новенькой. Крепко обнявшись, Анна и Грейс замерли посреди игровой площадки под взглядами присутствующих.

Позднее женщины тихо обсуждали, как приезд Грейс повлияет на отношения Анны с подругами. Ранняя осень постепенно сменилась морозной зимой, а дамы наблюдали за разыгравшимся спектаклем со смешанным чувством легкой иронии и некоторой жалости к Грейс.

И лишь в начале декабря, когда детей вот-вот должны были отпустить на каникулы, ситуация стала по-настоящему интересной.

Глава 1

11 декабря, среда

Грейс

Прошло девятнадцать лет с тех пор, как Грейс Гудвин переступала порог «Старой Вик». Почти половина жизни, а кажется, будто все было только вчера. Паб простого рыбака успел превратиться в заведение с претензией на винный бар; среди гостей, собравшихся в среду за две недели до Рождества, преобладали молодые пары.

Обшарпанные, в пятнах, деревянные столы уступили место полированным дубовым, с фиолетово-серыми бархатными стульями. На стене висели грифельные доски с ассортиментом сыров, мяса и соответствующих вин, элегантно увитые рождественскими гирляндами.

Приходилось признать, что интерьер претерпел изменения к лучшему – атмосфера стала более легкой и непринужденной, хотя именно этот вечер отчего-то навевал тоску.

Когда Анна спросила Грейс, не хочет ли она пойти с ней и девочками выпить перед Рождеством, та немного удивилась, но, не получая других приглашений за три месяца после возвращения в Клируотер, ухватилась за возможность развеяться.

– Собираемся в «Старой Вик», – сообщила лучшая подруга. – Примерно в половине девятого.

Анна и три ее подруги уже сидели в пабе, когда ровно в восемь тридцать явилась Грейс. На столе у них стояла открытая бутылка вина. Грейс пришлось незаметно взять стул от другого стола и втиснуться между Рейчел и Кейтлин.

Со «Старой Вик» у нее были связаны хорошие воспоминания – еще учась в школе, Грейс и Анна сиживали тут в углу, потягивая бакарди с колой. Хотя они были несовершеннолетними, из бара их никогда не прогоняли.

– Помнишь, как мы впервые сюда пришли? – обратилась она к Анне, когда в разговоре возникла пауза.

Анна повернула голову и чуть улыбнулась, но губы были сжаты в тонкую плоскую линию. Глаза потемнели и, казалось, смотрели куда-то сквозь Грейс, хотя несколько секунд назад она смеялась над какой-то шуткой Нэнси. Сейчас Нэнси играла волосами Анны, собрав их на одну сторону и заплетая в косу, уверяя, что теперь Анна должна так и ходить. Глядя на них, Грейс почувствовала себя как в школе.

Уже через час она сообразила, что напрасно сюда пришла, но ей очень хотелось пообщаться с Анной. За три месяца это ей толком не удалось. Вначале они еще пересекались, но эти встречи скоро прекратились. Три подруги неотступно находились рядом, словно забронировали Анну на год вперед, и Грейс чувствовала себя неловко в малознакомой компании. Беседа всегда сворачивала на понятные только этой четверке шутки и истории из прошлого, о которых Грейс ничего не знала. Вели они себя тоже одинаково – брали друг друга за локоть во время разговора, накручивали на пальцы пряди волос, привычно не договаривали фраз. Как компания они не потрудились принять к себе Грейс, и сейчас она недоумевала, зачем Анна ее пригласила.

Неожиданно Анна встала и объявила, что возьмет еще вина, хотя в бутылке на столе оставалась минимум треть. Ее ноги в черных джинсах скинни подкашивались, когда она шла к бару; светлая коса, заплетенная Нэнси, начала распускаться. Бюстгальтер просвечивал сквозь черный шифоновый топ – Анна выглядела почти гламурной, вот только чересчур худой. На ней не осталось жирка, который Грейс помнила с юности.

Анна облокотилась на барную стойку и кивнула на бутылку в холодильнике. Грейс обвела взглядом женщин, сидевших с ней за столом.

Нэнси Симпсон всегда очень следила за собой, и сегодняшний вечер не стал исключением. Длинные стройные ноги были обтянуты джинсами, похожими на джинсы Анны. Высокая – по меньшей мере пять футов одиннадцать дюймов – Нэнси тем не менее носила каблуки. Она казалась старше остальных – немного за сорок, предположила Грейс, но в светлых локонах, идеальными волнами укрывавших спину, не было ни единого седого волоса.

Дочь Нэнси, Элоди, была не по годам развитым ребенком. За четыре года она переиграла заглавные роли во всех школьных спектаклях: Марию в рождественском вертепе, Гая Фокса, Оливера Твиста и даже Симбу.

С сентября, когда Матильда пошла в школу, Грейс наблюдала, как Нэнси непременно садилась в первый ряд на каждом собрании, линейке и выступлении хора, всякий раз раскладывая пальто и сумку на трех соседних сиденьях, занятых для подруг. Когда те появлялись, Нэнси широкими жестами манила к себе Анну, Рейчел и Кейтлин, тогда как Грейс присаживалась где придется.

В первый раз Грейс надеялась, что Анна подойдет и сядет рядом, она даже ожидала этого, однако лучшая подруга приехала с Рейчел и, виновато взглянув на место рядом с Грейс, жестом показала, что им с Рейчел там не уместиться. Будто ей нельзя расстаться с этой Рейчел! Ведь той было к кому пристроиться, а так Грейс пришлось сидеть совсем одной.

В «Старой Вик» Рейчел, выпив много вина, говорила все громче. Она явилась в сверкающем золотом платье-трубе, слишком нарядном для паба, по мнению Грейс, и заранее настроенная пошуметь и повеселиться. Темные, почти черные волосы Рейчел были подстрижены в короткое каре, передние пряди аккуратно заправлены за уши, и она машинально подкручивала кончики, болтая с Нэнси. Эту Рейчел Грейс знала меньше всего и видела ее только по утрам около школы, всегда торопившуюся, поэтому с интересом следила за ней сейчас. Рейчел была более занятной, чем могло показаться на первый взгляд, и так и сыпала забавными историями.

Кейтлин постоянно смеялась над всем, что говорила Рейчел. Она была самой тихой из четверки – и самой адекватной, а еще достаточно вежливой. В ней не было ни подчеркнутой холодности Рейчел, ни властности Нэнси.

Грейс в принципе нравились и Кейтлин, и Рейчел; она тоже смогла бы с ними подружиться, если бы ей дали шанс. И в бар она сегодня приехала с расчетом получше познакомиться с подругами Анны. Но только не с Нэнси – неприязнь между ними была взаимной. Еще в начале четверти Нэнси намекнула, что Грейс ей не по нутру, и с каждым месяцем ее враждебность усиливалась.

Когда Анна отошла к бару, женщины заговорили тише, и Грейс пришлось напрягать слух. Она чуть двинулась на стуле, просто чтобы напомнить, что она тоже здесь; Кейтлин повернула голову и взглянула на нее с жалостливой усмешкой.

Нетрудно было догадаться, чем закончится вечеринка – вся компания жадно пила спиртное, будто утром им не везти детей в школу. Анна объяснила, что до каникул осталось «всего ничего», но, насколько успела узнать Грейс, посиделки этой четверки всегда завершались подобным образом.

Теперь женщины говорили о майском отпуске, который вместе провели на Майорке, оставив мужей и детей дома.

– Помните нашего официанта? – воскликнула Нэнси. – Он так и тянул к тебе ручонки, Рейч!

Анна, ожидавшая заказа около бара, обернулась и засмеялась.

Грейс улыбалась, хотя и не могла присоединиться к беседе. Она откинулась на спинку стула, думая о Матильде и няне, которую в спешке нашла через соответствующий сервис. Она подписалась на него в начале четверти, но почти им не пользовалась. Может, позвонить и проверить, как там дела? Вечером Матильда раскапризничалась, и Грейс догадывалась о причинах: девочке до сих пор не удалось ни с кем подружиться. Больше всего Грейс хотелось, чтобы у дочери появилась лучшая подруга, как у нее когда-то Анна.

У нее столько воспоминаний, которыми она надеялась сегодня поделиться с Анной! Грейс не раз заговаривала о далекой юности, но в последнее время Анна сразу перебивала ее, и Грейс, присоединившись сейчас к четверке, рассчитывала выбрать момент и напомнить Анне их общее прошлое, когда та расчувствуется от выпитого.

Например, как вдвоем с Анной они кружили на монорельсовой железной дороге в музее транспорта, хохоча и отказываясь покидать ее, а родители Грейс ждали внизу и звали девчонок, ужасаясь, что поезд начинает новый круг, а они все еще сидят в вагоне. Грейс помнила, что тогда они совершили не менее шести кругов. «Ты веришь, что тебе сегодня целых восемь лет?» – смеясь, допытывалась Анна.

Грейс хотела рассказать об этой давней истории, когда Анна вернулась за стол, но едва подруга со стуком поставила новую бутылку, Рейчел вскочила и куда-то увела ее под ручку.

– Куда они? – спросила Грейс.

– Наверное, перекурить. – Кейтлин с отвращением сморщила носик.

– Перекурить?! – Грейс едва удержалась от слов, что Анна не курит. Привычка отца постоянно дымить сигаретой должна была отвратить дочь от этого порока на всю жизнь. Грейс, например, навсегда зареклась, а ведь ей не приходилось жить в доме, где гостиная вечно была сизой от табачного дыма, клубившегося под потолком.

– А ты не знала, что она курит? – удивилась Нэнси. Она говорила без насмешки, но глаза у нее загорелись и оживились, будто она провоцировала Грейс.

– По-моему, она перестала, – солгала Грейс и, взяв открытую бутылку, налила себе вина.

– Допивай уж! – бросила Нэнси, взглянув на почти опустевшую бутылку.

Грейс посмотрела на нее и подчинилась, вылив себе все до капли, хотя не представляла, как можно столько выпить. Вино было терпким, вяжущим, и Грейс готова была переключиться на воду, пусть и в этом она останется в одиночестве. Нэнси усмехнулась и отвернулась, а внутри у Грейс шевельнулся тревожный холодок. Она не понимала, что Анна нашла в Нэнси, но, хорошо зная подругу, подозревала, что та легко могла попасться в сети умелой манипуляторши. Вот Нэнси и вертела ею как хотела. Не в первый раз на памяти Грейс Анна поддалась чужому влиянию.

– Нет, не бросила, – отозвалась Кейтлин. – Сейчас она вообще курит одну за одной, как считаешь, Нэнси?

Та пожала плечами.

– А муж? – спросила Грейс, недоумевая, почему ее так задело известие, что Анна курит.

– При чем тут муж? – произнесла Нэнси.

– Он тоже курит?

Нэнси засмеялась:

– Это что, допрос? Ты так переживаешь за его здоровье?

– Ничего я не переживаю, – пробормотала Грейс, когда вернулись Анна и Рейчел. – Пустяки.

Однако по какой-то причине это не давало ей покоя. Может, потому, что Анна, которую она знала, и Анна нынешняя были словно два разных человека. Когда что-нибудь омрачает твои воспоминания, это выбивает из колеи, заставляя во всем сомневаться.

Грейс предпочла бы, чтобы Нэнси сменила тему, но та, отодвинув для Анны стул, заявила с улыбкой:

– Грейс не понравилось, что ты куришь. Может, она права? – И Нэнси принялась нежно поглаживать локоть Анны.

– Да, пожалуй, – отозвалась та, снимая красное пальто. Ее щеки раскраснелись от холодного воздуха и, как заподозрила Грейс, от смущения.

Грейс отвела взгляд от пальцев Нэнси на руке своей подруги. Эта дылда ухитрилась выставить ее мамашей-наседкой, и Грейс вдруг поняла, что так она себя и чувствовала в обществе этой четверки, – как родительница, стоящая над душой у взрослых женщин, которым захотелось вести себя как школьницам:

заплетать друг другу косички, ходить под ручку и занимать места.

Грейс глотнула вина, уже не обращая внимания на терпкую горечь, и принялась обдумывать варианты. Можно хоть сейчас попрощаться и уехать домой, но она мечтала побыть с Анной, и если это единственная возможность, Грейс не позволит украсть у нее эти минуты.

Нэнси уже развлекала подруг очередной историей с Майорки. Грейс вздохнула, играя бокалом, чтобы чем-то себя занять.

– Да, наверное, вам было весело, – сказала она, когда Нэнси замолчала и смех за столом стих.

– Ох, ты даже не представляешь! – Анна перестала улыбаться и поставила бокал на стол. – Извини, с нашей стороны невежливо вспоминать о Майорке, раз тебя с нами не было.

– Ерунда! – беспечно махнула рукой Грейс, делая вид, будто вовсе не задета.

– Мы были там с тобой, помнишь? – вдруг сказала Анна, и Грейс сразу вспомнила, как в летние каникулы, когда им было четырнадцать лет, родители возили ее на неделю в Алькудию и взяли с собой Анну.

– Еще бы, – улыбнулась Грейс.

Она помнила, как сразу ухватился за предложение отец Анны, которая в жизни никуда еще не ездила, и как радовалась сама Грейс, что не придется скучать одной. Днем они с Анной будут загорать у бассейна, а вечерами сидеть за уличными столиками кафе, строя глазки официантам-испанцам и умоляя родителей отпустить их погулять.

Будь они сейчас одни, Грейс спросила бы, почему Анна вспомнила Алькудию, ведь та поездка не оправдала ожиданий. Анна выдержала ее взгляд, и Грейс затаила дыхание. Именно в тот момент она поняла – Анну что-то гнетет. Вот бы подруга доверилась ей…

Но это длилось мгновение, потому что в разговор вмешалась Рейчел:

– Я все забываю, сколько же лет вашему знакомству?

Наверное, потому что это почти не всплывает в беседе, предположила Грейс, несмотря на множество историй из детства, которые не пересказать и за неделю.

– Анна двенадцать лет была практически членом моей семьи.

– Вот как? – удивилась Рейчел. – Конечно, я знала, что вы дружили, но…

Они были почти сестрами – мать Грейс заботилась об Анне как о второй дочери. Грейс прекрасно помнила, как они с Анной сидели на пуфе в гостиной – им было лет семь – и внимательно смотрели на руки Кэтрин, показывавшей, как вязать их первые шарфы. А два года спустя девочки поставили в саду палатку и неделю жили в ней. Порой, особенно в первые годы дружбы, Грейс забывала, что Анне нужно возвращаться домой, потому что ее ждет отец.

– Но вы не общались после того, как ты уехала в Австралию? – спросила Рейчел.

– Нет, – ответила Грейс, не став уточнять, что дружба сошла на нет вовсе не из-за лени переписываться. Просто жизнь текла своим чередом, и карьера, а потом семья взяли свое.

– Анна говорила, ты и после возвращения в Англию года два не объявлялась.

Грейс молча кивнула. Это тоже правда. Редкие комментарии в «Фейсбуке» нельзя считать реальной попыткой возобновить отношения.

Рейчел, будто утратив к ней интерес, начала рассказывать о другом. Беседа вращалась вокруг недавних приключений четверки, их планов на завтра и на ближайшие недели.

– Так, хватит с меня вина. Вызываю тяжелую артиллерию! – неожиданно заявила Анна, вызвав восторженные возгласы Рейчел и шутливые стоны Нэнси и Кейтлин. Настроение у нее резко менялось с отрешенно-мрачного на игривое, как перед лицом неведомой опасности. Временами казалось, что она пытается вернуть себе некий контроль. Грейс даже представить не могла, что творилось у

нее в душе. Анна, которую она знала прежде, была покладистой и веселой, а сейчас ее поведение вызывало тревогу.

– Я помогу, – предложила Грейс и двинулась за подругой к бару, чтобы уже там признаться Анне, что не будет пить текилу. – У тебя все в порядке? – тихо спросила она, когда они отошли от стола.

– Конечно. – Анна сразу отвернулась, едва подоспел бармен. – Четыре текилы, – заказала она, не став уговаривать Грейс присоединиться. От этого Грейс почувствовала себя лишней. Если бы она меньше ненавидела вкус текилы, то передумала бы.

Поколебавшись, Грейс сказала:

– Ты какая-то… – Она замолчала, не зная, как закончить.

– Ну, какая я? – произнесла Анна, приложив карту к терминалу.

Ледяной тон произвел эффект пощечины – Грейс невольно отшатнулась. В августе Анна так обрадовалась их встрече, но теперь между ними будто черная кошка пробежала, и Грейс не знала, как все исправить. Давняя подруга показалась ей незнакомкой. Да, Анна Робинсон уже не Анна Фоллоу, маленькая девочка, которую Грейс знала лучше всех на свете, но ведь за настоящую дружбу нужно побороться? Как может Анна отвернуться от прежней, почти сестринской близости?

– Немного несчастная, – наконец ответила Грейс. Она не была уверена, что это точные слова, но не знала, как еще выразиться.

– Можешь за меня больше не переживать, – улыбнулась Анна, приподняв брови.

Грейс всматривалась в ее лицо, угадывая в нем фальшь. Окидывая внимательным взглядом Анну, она гадала, что скрывается за фасадом, который так старательно выстраивала ее подруга.

Как же за нее не переживать? Грейс не могла в одночасье перестать опекать Анну, ведь когда-то забота о ней была частью их дружбы. Она помнила, как

вечерами Анна, сидя в пижаме Грейс, дожидалась, когда папаша заберет ее после работы. Нельзя двенадцать лет жить душа в душу и вдруг резко прекратить переживать за человека.

Грейс сменила тему.

– Даже не верится, что мы снова здесь. – Она кивнула на стол в углу, решив достучаться до прежней Анны. – Сколько же раз мы тут сидели… А помнишь Кристофера Смарта?

Анна заметно смягчилась. Кристофер Смарт был чудаком, влюбленным в нее, и они постоянно смеялись, когда он увязывался за Анной в паб.

Грейс ожидала, что подруга улыбнется и что-нибудь ответит, но та завила:

– Нельзя ли прекратить этот вечер воспоминаний? Почему ты не можешь отпустить это раз и навсегда? Почему решила, что мы обязаны жить прошлым?

– Как отпустить? – У Грейс даже рот приоткрылся. – Это же память, это наше детство!

– Было и прошло. Меня больше интересует настоящее. Сочувствую, если у тебя не сложилось, Грейс, но я своей жизнью довольна. – Анна подхватила два бокала текилы, вернулась к столу и села, оставив ошеломленную Грейс у стойки. У нее даже руки онемели, безвольно повиснув, а глаза защипало от слез. Грейс не понимала, отчего она плачет: не то от того, что она действительно не слишком счастлива, или же потому, что Анна с такой черствостью на это указала.

Анна становилась воинственной, когда в душе у нее все молило о помощи. Когда отец не приезжал за ней после уроков, она придумывала для него оправдания, отказываясь признавать, что для него важнее работа, чем дочь, но Грейс видела печаль в ее глазах.

Взяв остальные бокалы, Грейс отнесла их на стол. Объясняться в присутствии трех женщин не было смысла.

Через час настроение в компании изменилось. Нэнси и Анна отошли в угол и там о чем-то яростно спорили шепотом, причем Анна оживленно жестикулировала. Когда они вернулись за стол, лицо Нэнси ничего не выражало, и губы были плотно сжаты. Вскоре снова началась веселая болтовня, вино полилось рекой, и вечер продолжался как ни в чем не бывало.

В одиннадцать часов Грейс была готова ехать домой, но понимала, что если она уйдет сейчас, то отправится восвояси в гордом одиночестве.

Рейчел потянуло на танцы. Паб почти опустел, не считая компании из троих мужчин, и Рейчел отплясывала, размахивая руками, под ритм, слышный только ей. Выписывая синусоиду, она приблизилась к бару и прибавила громкости музыке. Молодой бритоголовый бармен поглядел на нее, но ничего не сказал.

Грейс видела, что Анна замкнулась еще больше. Ее не обманывал нарочито громкий голос и преувеличенно веселый смех; она ловила на себе частые взгляды Анны. Подруга явно что-то скрывала.

Когда Анна поднялась со стула и нетвердой походкой направилась к туалетам, Грейс двинулась за ней. Анна, пошатываясь, стояла перед зеркалом, держа в руке блеск для губ, которым, однако, не подкрашивалась.

– Нэнси тобой манипулирует! – воскликнула Грейс. Она не собиралась этого говорить, но наблюдать два с половиной часа, как Нэнси полностью завладела вниманием Анны, было неприятно. Грейс искренне боялась за подругу, потому что хорошо знала Анну. Знала, какой она бывает, и не могла промолчать.

– Что? – удивилась Анна. Ее реакция убедила Грейс, что подруга ничего не замечала.

– Нэнси тобой манипулирует, – повторила она чуть мягче.

– Ты шутишь, что ли?

Грейс прикусила губу. Она уже жалела, что завела этот разговор.

– Какие шутки, я же вижу, как она с тобой обращается! Со всеми вами, – добавила Грейс.

– Я сразу поняла, что вы невзлюбили друг друга, – прошипела Анна. – Ты хотя бы раз задумалась, как меня достало вечно стараться всех примирить? – Ее шатнуло в сторону, и она ухватилась за раковину.

Грейс прекрасно знала о неприязни Нэнси, однако услышать об этом было обидно.

– Это же бред какой-то, – продолжила Анна. – Мне надо было сразу выбрать… Я хочу быть со своими подругами, Грейс, но и с тобой следовало расставить все точки над i.

Едва прозвучали эти слова, как глаза Анны расширились, а рот приоткрылся. Грейс с надеждой подумала, что подруга захочет извиниться, но было слишком поздно. Удар был нанесен – Грейс ощущала почти физическую боль в груди.

Ей показалось, будто двенадцать лет детства беззвучно взорвались в воздухе, рассыпавшись как конфетти. Воспоминания, столь дорогие для Грейс, оказались для Анны ничего не значащими пустяками, и этого Грейс понять не могла.

Надо было развернуться и уйти, но она не нашла в себе сил, потому что, хотя Анна и сказала такое, она все равно рядом. Наконец-то они наедине. К тому же Анна много выпила, и Грейс чувствовала – с ней что-то происходит. Ну не могла Анна вот так взять и отвергнуть ее! Пусть они друг другу не родные, но росли-то почти сестрами!

– Мне за тебя тревожно, – произнесла Грейс. – И ты знаешь почему.

Анна покачала головой, не сводя с нее взгляда, и в ее глазах читались опаска и знание, что Грейс имеет в виду, а еще там была просьба, чтобы Грейс молчала.

– Потому что я уже видела тебя такой, Анна. И мне не привыкать тебя выручать.

Вечер был окончательно испорчен. Слова Грейс возымели обратный эффект: Анна ворковала с Нэнси, склонив ей голову на плечо, и они тихо посмеивались.

Но вскоре ситуация изменилась. Сладкая парочка шепотом обсуждала нечто случившееся месяц назад на праздновании сорокалетия Бена, мужа Анны, куда были приглашены все подруги. Кейтлин вдруг расплакалась, хотя ей ничего плохого не сказали, Нэнси помрачнела, и Анна уже не лезла обниматься с ними, а словно отстранилась от всех.

Грейс удалось еще раз поговорить с ней перед уходом – и снова урывками. Время приближалось к полуночи, ей пора было уходить – она пообещала няне вернуться до половины первого, и Грейс вызвала такси. Поведение четырех подруг доказывало, что они собираются гулять и дальше.

Анна заказала еще текилы.

– Поедем со мной? – предложила Грейс, тронув подругу за плечо. Анна резко сбросила ее руку. – Давай поедем в одном такси?

Она хотела увезти Анну, не веря, что три подвыпившие дамы в состоянии о ней позаботиться. Казалось, они вообще не замечали ничего.

Но Анна ответила, что никуда не поедет, и Грейс молча ждала за столиком, наблюдая, как компания буквально разваливается. Она испытала облегчение, когда поступило сообщение, что такси ожидает у входа в паб.

12 декабря, четверг

Новость распространилась утром, без двадцати девять: Анна Робинсон не вернулась домой. После паба ее никто не видел.

Бен Робинсон проснулся в шесть часов и увидел, что постель рядом не смята. Убедившись, что Анны нет в доме и она не отвечает по мобильному, он сразу позвонил Нэнси.

Кроме этого, собравшиеся на игровой площадке мамаши четвертого «С» мало что знали, поэтому прикидывали так и этак, силясь что-нибудь выжать из имевшейся информации.

Они постоянно бросали взгляды на трех женщин, стоявших около забора. Все гадали, о чем они говорят, потому что язык тела казался абсолютно несуразным.

Нэнси, Кейтлин и Рейчел находились на некотором расстоянии друг от друга, обхватив себя руками поверх пальто в попытке согреться. Шапки с помпонами были надвинуты так низко, что приходилось напрягать зрение, чтобы различить выражение лиц.

Три подруги всегда были частью четверки, но не сегодня. Стоя вместе, неподвижные, они переговаривались напряженным шепотом.

Школьные мамочки ужасно жалели, что больше ничего не знают о прошлой ночи. Ушла ли Анна из паба раньше остальных? Взяла ли она такси или попыталась пойти домой пешком, да так и не добралась? А может, Анна поехала к кому-то еще, и три закадычные по-дружки ее прикрывают? Последняя версия была наименее зловещей, но все равно заслуживала сплетен.

Оставалось много неясного, но три подруги, сбившиеся в крошечный неполный круг, казались абсолютно неприступными.

Было высказано предположение, что паб закрылся в час ночи, однако лихая четверка осталась пить дальше. Все знали, что там так делается; всем говоруньям доводилось хотя бы раз в жизни нетвердой походкой брести по галечному пляжу в надежде протрезветь или ехать по узким, плохо освещенным переулкам, уводившим от моря к сплошным рядам таунхаусов, напоминавших ярко раскрашенных солдатиков, выстроившихся на пути к новому жилому комплексу.

– Как считаете, что случилось? – не выдержала одна из мамаш, кивнув на трех подруг. Неужели они выглядели такими ошеломленными только потому, что с ними не было Анны? – Что они сделали, как вы полагаете? – шепотом добавила она. Никто не понял, высказала ли она завуалированное обвинение, но возразивших не нашлось.

– Уж хотя бы одна-то точно знает, куда Анна делась после паба, – продолжила мамаша, и все согласились, поскольку никто не мог поверить, чтобы Анну отпустили или оставили одну, настолько неразлучной была эта четверка.

Все заметили, как Нэнси положила руку на плечо Рейчел. Это был первый контакт за сегодня между подругами, но уже через секунду Нэнси убрала руку.

У противоположной обочины дороги остановилась машина Грейс Гудвин.

– А Грейс с ними вчера была? – поинтересовалась одна из женщин.

– Неизвестно, – ответили ей. Хороший вопрос. Последние три месяца все внимательно наблюдали за развитием отношений Грейс и подруг.

Вначале Анна часто подходила к Грейс на игровой площадке, смеялась, улыбалась и явно пыталась подружить Итана и Матильду. Но шли недели, и мамаши заметили, что Анна постепенно отдалялась от Грейс. Отдалилась или ее заставили отдалиться, никто не знал.

По зрелом размышлении, скорее второе: ни для кого не было секретом, что Нэнси сразу невзлюбила Грейс, хотя все терялись в догадках почему. Грейс очень старалась влиться в компанию: в отсутствие мужа она одна растила ребенка, и в Клируотере у нее не было ни друзей, кроме Анны, ни знакомых.

Неужели Нэнси взревновала к приезду Грейс?

Мамаши четвертого «С» мало знали Нэнси – она ни с кем не сближалась, держала дистанцию, однако ее жизнь уже не первый год являлась предметом сплетен и досужих домыслов. В частности, в Клируотере знали, что ее красавец муж потерпел сокрушительный крах на фондовой бирже, поэтому Нэнси пришлось перебраться из Лондона в Клируотер, поближе к больной матери. Жить как прежде, на широкую ногу супруги Симпсоны больше не могли.

Все полагали, что в Нэнси Симпсон есть какая-то загадка.

Глядя, как медленно открывает дверцу своей машины Грейс Гудвин, родительницы заволновались: даже если вчера она тоже сидела в «Старой Вик»,

не исключено, что Грейс еще ничего не знает, раз привезла дочку в школу без всякой спешки.

На другом конце площадки Итан, сын Анны, играл с мальчиком по имени Дэниел. Бена Робинсона нигде не было, и мамаши не знали, завез ли он сына к школе пораньше или, что вероятнее, Итана доставила Нэнси. Они с Анной жили в пяти минутах езды друг от друга. А может, Бен остался дома, сосредоточившись на поисках жены?

– Что он сказал Нэнси по телефону? – спросил кто-то.

– То, что говорят в подобных случаях. Я слышала, он спросил, где Анна и что произошло накануне ночью.

– А Нэнси что ответила?

– Никто не знает.

– Кто-то наверняка знает! – Все замолчали и снова повернули головы к трем подругам.

Рейчел сидела на огораживающем школу парапете, опустив голову на руки и еле заметно раскачиваясь. Не то слишком много выпила, не то ее мучил страх.

– В последнее время Анна ходила сама не своя, – вспомнила одна из мамаш. – Может, из-за отца. Он у нее не так давно скончался, и она тяжело переживала потерю.

Другие пожали плечами и пробормотали что-то в знак согласия.

– Когда Анну видели в последний раз? – спросил кто-то.

– Я слышала, Нэнси заявила, будто они уехали все вместе в два часа ночи.

– В два часа ночи?! И это в будни, в среду! Господи, как они могли, зная, что утром вставать и везти ребенка в школу!

– Если Анна ушла одна, в темноте, значит, что-то случилось. На скале Крейна нет части ограждения, вы видели? Ветром повалило несколько звеньев.

Все вздрогнули.

– А зачем ей идти в ту сторону? – спросил кто-то, хотя каждая из мамаш хотя бы раз в жизни нетвердой походкой всходила на скалы и стояла на вершине, озирая город внизу. – Думаете, она могла упасть? Даже представить такое невыносимо! Но под скалой же проверят, правда? Полиция сразу осмотрит пляж.

– Как, уже сообщили в полицию?

Возникла пауза. Женщины переглянулись.

– А что?

– Насколько я знаю, пока не прошли сутки, пропавших не ищут. Ну взрослых, я имею в виду. И потом, почему никто не предположил очевидного? Может, Анна не вернулась домой, потому что не собиралась возвращаться туда?

– По-вашему, она ушла от мужа?

– А сын? – Кто-то отрывисто засмеялся. – Нет, без сына она бы в жизни…

Все знали, что Анна была хорошей матерью. Однажды она призналась, что до сих пор пишет записки на стикерах и кладет Итану в контейнер с ленчем. «Каждый день как часы! – шутила она. – Так привыкла, что не могу остановиться». А сегодня Итан откроет свой завтрак и не найдет там записки. Нет, Анна не бросила бы сына.

– Не представляю, чтобы она пошла пешком от «Старой Вик», – произнесла одна из мамаш. – Даль такую… Наверняка вызвала такси.

Хотя Анна любила вечеринки, беспечной она не была, и голова у нее на плечах имелась.

– Если она вызвала такси, значит, с ней что-то случилось по дороге?

От этой мысли все замерли. В Клируотере в этом отношении было спокойно, однако это не означало, что городок застрахован от подобных случаев.

– Смотрите, Грейс идет! – Все повернулись к воротам, куда входила Грейс Гудвин, ведя Матильду, которая широко размахивала маминой рукой.

Грейс улыбалась, глядя вперед, будто рассеянно слушая свою дочь. Всем стало ясно, что она не в курсе новостей.

Грейс почти поравнялась с тремя подругами Анны, когда одна из них окликнула ее. Сейчас Грейс Гудвин узнает, что Анна пропала. Остальные мамаши, затаив дыхание, внимательно следили за ними. Они заметили, как вытянулось у Грейс лицо, и она отпустила руку дочери. Грейс явно не горела желанием общаться с пресловутой троицей, хотя вчера в пабе они гуляли вместе. Стало быть, поссорились?

Грейс по очереди поглядела на Нэнси, Рейчел и Кейтлин и покачала головой, помрачнев, словно не получила желаемых ответов.

Зазвенел звонок, оторвав взрослых от раздумий и учинив хаос на площадке: дети побежали к мамам прощаться или к учительнице – строиться. Мамаши расставались с детьми до конца уроков; они задерживали отпрысков в своих объятьях и неохотно отпускали. Подавленные призраком приключившейся трагедии, они подсознательно хотели побыть с детьми лишнюю секунду.

Вскоре толпа мамаш двинулась к школьным воротам. Некоторые задерживались возле троицы, участливо интересовались самочувствием, поясняли, что слышали новость, и просили держать их в курсе, если что-нибудь выяснится. Вблизи три женщины выглядели весьма помятыми – судя по всему, накануне они перебрали с крепким алкоголем.

Грейс не двигалась с места, уставившись на них с приоткрытым ртом и вытаращенными глазами. Вскоре она осталась одна, поскольку Нэнси, Рейчел и Кейтлин направились к школьным воротам. Нэнси взяла Рейчел под руку, Кейтлин приблизилась к ней с другой стороны, и вид у них стал – впору шагать в Страну Оз по дороге из желтых кирпичиков.

Никогда еще так не бросалось в глаза, насколько чужой в их компании была Грейс.

Глава 2

Грейс

Проснувшись утром, Грейс увидела около кровати уже одетую Матильду. Девочка была в исключительно хорошем настроении – сегодня ожидался передвижной театр, актеры которого представляли какую-то левую версию «Аладдина». До Рождества оставалось две недели – рановато, по мнению Грейс, клеить на уроках бумажные цепочки, но Матильда с азартом включилась в подготовку к празднику.

Все это сильно отличалось от знойного Рождества, к которому они привыкли в Сиднее, но Матильда, вернувшись в Англию, так ждала снега, что совсем не скучала по Австралии.

Грейс проснулась с пересохшим ртом, раскалывавшейся головой и тошнотой, усилившейся от воспоминаний об отвратительном вечере. Глухое раздражение немного стихло при виде счастливой дочери. Состояние Грейс сложно было назвать похмельем, но выпитое накануне все-таки ощущалось, и в 6:45 она с удовольствием перевернулась бы на другой бок, закрыла глаза и поспала еще.

Однако снова заснуть помешали мысли, выкладывавшие из вчерашних эпизодов до обидного очевидную картину. Грейс невольно начала злиться. В последнее время она привыкла к этому настроению: всякий раз, как Грейс вешала трубку после разговора с Грэмом, в ней вскипал гнев.

Матильда вприпрыжку выбежала из комнаты, и Грейс подумала, что без дочери у нее совсем не было бы родной души. Сознание одиночества, усугубившееся на вчерашних посиделках, окончательно прогнало всякий сон.

На тумбочке стояла фотография Грейс и Грэма, снятых в счастливые времена. Иногда Грейс хотела убрать фотографию, чтобы не видеть каждое утро лица мужа и не думать, что она ничего не знает о его жизни в Сингапуре. Как изменилась бы жизнь, если бы Грэм поселился здесь и прекратил уезжать? Наладились бы отношения? Или годы раздельной жизни слишком глубоко запустили в супругов свои когти?

По телефону Грэм всякий раз клялся, что скоро приедет, начиная разговор в позитивном ключе. Он словно не замечал, что Грейс фактически превратилась в мать-одиночку, хотя она неоднократно указывала на это мужу. К концу телефонного общения разговор всегда скучнел, и Грейс вешала трубку в испорченном настроении.

Когда Грэм приедет на Рождество, нужно обсудить, может ли он уйти из своего проекта и переехать в Клируотер. А главное, хочет ли он этого.

Грейс со вздохом выбралась из кровати и принялась готовить себя и Матильду к предстоящему дню. Мысли о браке сменились иными соображениями, например уверенностью, что ей абсолютно не хочется видеть сегодня подружек Анны, зная, что у нее почти нет шанса вырвать Анну из лап этой троицы и побеседовать наедине.

Грейс удивилась, когда, войдя на школьный двор, увидела жавшееся в стороне пресловутое трио – почему-то без Анны. Сначала она заметила Нэнси, затем Рейчел, которая, согнувшись, сидела на низком бетонном парапете, словно ее сейчас стошнит (Грейс сочла это возмутительным для школьной площадки). Чуть в стороне от них находилась Кейтлин, кусая ноготь и с ужасом глядя на Рейчел.

Первой мыслью Грейс стало приятное сознание, что Анна не с ними и ее можно застать одну и выяснить, что, черт побери, она вытворяла накануне. Грейс прошла мимо неполной компании, отметив, что Кейтлин, стоявшая почти в раболепной позе, сгорбившись, кажется до нелепого мелкой рядом с Нэнси, облаченной в длинное черное пальто с меховой опушкой на капюшоне и сапоги до колен. Выглядела Нэнси прекрасно, несмотря на ранний час. Грейс удивилась, отчего эта великанша, столько выпив накануне, с утра снова свежа, как роза.

Проходя мимо, Грейс даже с пятнадцати метров ощутила что-то неладное. Матильда тянула ее за руку, но она рассеянно поглядывала на дочь. У нее не

было желания заводить разговор – оскорбительные, обидные воспоминания свежими ожогами горели в памяти. Она хорошо помнила и фразы, брошенные Анной, и подчеркнутое пренебрежение остальных, намекавших, что Грейс не их поля ягода.

Она направилась к игровой площадке, когда Рейчел сползла с парапета и выпрямилась.

– Грейс! – окликнула она, засунув руки в карманы огромного дутого пальто.

Грейс обернулась. Лицо Рейчел было странно поблекшим, под глазами осталась плохо смытая тушь.

– Кое-что случилось. – Голос у Рейчел прервался, и Нэнси шагнула вперед, положив руку ей на плечо. – Все равно ты скоро узнаешь.

– Что? – спросила она, встревоженная выражениями их лиц.

– Утром мне звонил Бен, – произнесла Нэнси таким начальственным тоном, что Грейс невольно посмотрела на нее.

Бен? Грейс начала догадываться, что случилось. Бен – это муж Анны, Бен Робинсон, которого она неоднократно встречала за три месяца. Грейс не теряла надежды завести с ним знакомство, ведь Бен теперь занимал большое место в жизни лучшей подруги.

– Вчера Анна не пришла домой, и мы все немного испуганы, – продолжила Нэнси, впившись взглядом в Грейс, будто подозревая, что ей что-нибудь известно.

– Как не пришла домой? – воскликнула Грейс, выпуская ручонку Матильды. – В каком смысле – не пришла?

– Когда Бен проснулся, Анны не было дома. Как вечером уехала, так и не возвращалась.

– Он ей звонил?

– Конечно, звонил! – ответила Нэнси таким тоном, будто глупее вопроса и быть не могло. – Мы все звонили. У нее телефон выключен. Я оставила ей несколько сообщений с просьбой позвонить мне как можно скорее, но по какой-то причине Анна, черт ее побери, отключила телефон. – Нэнси глубоко вздохнула и отвела глаза. Грейс впервые видела, чтобы Нэнси первая опустила взгляд. Это казалось странным.

– Не поняла, – сказала она. – Что произошло после моего ухода? Ну, то есть когда вы поехали домой? Анна не села с вами в такси?

Нэнси молчала, закусив губу. Остальные тоже. Грейс смотрела на них, ожидая ответа.

– Что произошло? – требовательно повторила она.

Наконец Нэнси произнесла:

– Ну, выпили мы. Ты же знаешь, как это бывает.

– То есть вы не помните. – Грейс понимала, что это звучит обвиняюще.

– Все я прекрасно помню, – заявила Нэнси. – Анна неожиданно встала, сказав, что выйдет освежиться, а потом…

– Что? – не выдержала Грейс, перехватив ее взгляд на двух подруг. Рейчел снова понуро уселась на парапет. Глаза на землистом лице казались расширенными, как у больной. Рейчел опустила голову, словно не в силах ни на кого смотреть.

– Когда я уехала домой, она еще не вернулась, – объяснила Нэнси, разведя руками в знак того, что Анна взяла и растворилась в воздухе. Она снова смотрела Грейс в глаза, добиваясь, чтобы та первой опустила взгляд. Это была борьба характеров, словно Нэнси опомнилась и решила вернуть себе первенство. Но у стоявшей рядом Кейтлин был такой робкий вид, что у Грейс возникла уверенность: Нэнси лжет.

– То есть вы утверждаете, что Анна самостоятельно ушла из паба?

– Да, – подтвердила Нэнси. – Ушла, не попрощавшись с нами.

Грейс хотела спросить, часто ли Анна так поступала, но это бы подчеркнуло, что Нэнси знает Анну лучше ее. Твердо решив не доставлять Нэнси такого удовольствия, Грейс обратилась к Кейтлин:

– А вы случайно не видели, как ушла Анна?

– Я… гм… – неуверенно начала Кейтлин. Густой румянец появился на шее, на щеках проступили красные пятна. Заморгав, Кейтлин пожала плечами, но лицо исказил страх. – Я не знаю, что произошло. Наверное, как сказала Нэнси, Анна ушла раньше нас.

Грейс готова была поклясться, что в уголках глаз Кейтлин выступили слезы. Вот интересно, если пристально смотреть на нее, может, удастся увидеть и мокрые дорожки на щеках? Что эти женщины утаивают от нее?

– Куда она могла уйти? – наконец спросила Грейс.

– Наверное, просто решила пройтись, – предположила Кейтлин. – Прогуляться к скалам.

Грейс покачнулась и уставилась на нее.

– С какой стати ей туда ходить? – вмешалась Рейчел, но Грейс уже не могла справиться с дурным предчувствием.

Зазвенел звонок. Матильда снова потянула мать за руку, и Грейс нагнулась, чтобы обнять дочь. Когда, выпрямившись, она вновь взглянула на трех подружек Анны, язык тела у тех совершенно поменялся. Нэнси, взяв под руку Рейчел, продевала руку под локоть Кейтлин, словно формируя некий бастион против Грейс. Казалось, они не желали выслушивать вопросы, готовые сорваться у нее с языка.

Разумеется, враждебность могла ей и померещиться, подумала Грейс, стоя посреди толпы торопившихся на урок детей. И наверняка отсутствию Анны найдется разумное объяснение: в пабе она могла с кем-то познакомиться и

спьяну увлечься, а сейчас от стыда не решается показаться мужу на глаза. В конце концов, она взрослая женщина. Но свойственно ли такое поведение тридцатишестилетней Анне, с которой Грейс старалась снова сблизиться?

Что бы Анна ни натворила, сознание, что ее нельзя было оставлять одну, резануло Грейс как ножом. В семнадцать лет у них появились твердые правила: не садиться за руль, выпив, проверять заднее сиденье вечернего такси на случай, если там кто-то прячется, и никогда не оставлять подругу одну. Никогда.

Вчера Грейс нарушила одно из правил. Она оставила Анну одну, и вот что случилось.

Ей слабо верилось, что Анна могла сбежать от Бена, бросив сына. Значит, случилось что-то скверное. Мысленно Грейс видела картины одна другой страшнее: Анна валяется в кювете, или связана и с кляпом во рту в подвале где-нибудь не очень далеко отсюда, или ее труп скоро найдут в кустах собачники, или же тело лежит у подножия скалы Крейна. Поразительно, на что способно воображение!

– В полицию кто-нибудь позвонил? – спросила Грейс в спину трем подружкам, переплетшим руки, как венок из маргариток. Другие мамаши, обгоняя их, интересовались, нет ли новостей об Анне. Нэнси уверенно отбивала каждый вопрос и обещала непременно сообщить, если что-нибудь появится. Поэтому Грейс повторила свой вопрос, на сей раз громче.

Кейтлин остановилась, обернулась и покачала головой:

– Этого еще не хватало – в полицию! Сама скоро объявится.

И она достала из кармана телефон, словно в надежде увидеть там сообщение от Анны.

Грейс недоверчиво склонила голову. От нее не укрылось, какая незначительная роль ей отведена. Подобно остальным мамашам, впору беспомощно бегать и расспрашивать, что да как. Это не ей позвонил встревоженный муж Анны и не ей первой сообщат важные новости. Грейс низвели до рядовой участницы чата в «Вотсапе», чтобы почитывала обновления одновременно с остальными.

– Обязательно нужно обратиться в полицию, – твердо заявила она, широкими шагами нагнав троицу, остановившуюся на тротуаре. – Бен ведь уже позвонил? – добавила Грейс, пытаясь держаться авторитетно. Сама она сразу же обратилась бы к детективам, если бы Грэм не вернулся домой. Впрочем, Грейс уже с трудом припоминала, когда в последний раз Грэм лежал в супружеской постели.

– По закону, если пропал совершеннолетний, полиция начнет поиски только спустя сутки, – ответила Нэнси. Все трое вели себя подчеркнуто сухо и холодно. Грейс понимала, что на них все смотрят, но не отступала.

– Какая нелепость, не правда ли? – нервно добавила Кейтлин. – За сутки что угодно может случиться. Двадцать четыре часа истекут завтра ночью… – Ее голос дрожал, выдавая страх, и Грейс поняла: необходимо поговорить с Кейтлин наедине. Вероятно, это единственный шанс выяснить, что в действительности произошло.

– Мы не можем ждать так долго, – настаивала Грейс. – Закон же не запрещает заявить об исчезновении человека! – Она взглянула на Нэнси. – Это уже дело полиции, как поступить с информацией, но утаивать от них ничего нельзя.

Кейтлин посмотрела на Нэнси, словно ожидая указаний. Рейчел опустила голову.

– Итак, что вы намерены делать? – спросила Грейс.

– Будем дозваниваться, – произнесла Нэнси, верная своей роли начальницы.

У Грейс вырвался недоверчивый смешок:

– И все?

– Сейчас только девять утра. Конечно, можно позвонить в полицию и сказать, что тридцатишестилетняя женщина не явилась домой, но нас не воспримут всерьез. Кроме того… – Нэнси понизила голос, чтобы другие мамаши не услышали: – Бен пока не хочет никуда обращаться.

– Почему? – удивилась Грейс.

Она чувствовала, как внутри все загорелось. Невидимое пламя пронеслось по телу, и ее бросило в жар. С какой это стати, спрашивается, муж Анны не желает обращаться в полицию?

– Видимо, хочет сам ее поискать, а потом уже впутывать копов… Господи, я не знаю! – отмахнулась Нэнси. – Наверное, подозревает, что Анна не явилась домой по определенной причине.

– Она бы так не поступила, – возразила Грейс.

– Я не пытаюсь острить, – повысила голос Нэнси. – Грейс, прости, но ты понятия не имеешь, как Анна поступила бы, а как не поступила. Вы полжизни не общались. Вам давно не семнадцать лет.

Грейс открыла рот – и снова закрыла, недоуменно глядя на нее. На языке вертелись слова, которые она пыталась сложить в предложение, но не знала, какие выбрать. Ее лучшая подруга пропала, и нечего спорить, кто тут главный! Нэнси не имеет права прохаживаться на ее счет в такую минуту! Грейс была готова потребовать у Нэнси отчета за последние двадцать лет жизни Анны, потому что в одном эта дылда была права: Анна сильно изменилась.

Рейчел и Кейтлин пристально смотрели на Нэнси, и та, поколебавшись, отрывисто произнесла:

– Извини, я не должна была этого говорить. Я сейчас вся на нервах.

Она не выглядела виноватой, но Грейс все равно кивнула. Нэнси продолжала:

– Я немедленно позвоню Бену.

Отстранившись от Кейтлин, она сунула руку в карман и вынула телефон, стиснув его мертвой хваткой.

– И сразу сообщу, как только что-нибудь узнаю.

Грейс ждала, что Нэнси прямо тут и позвонит, но она повернулась и зашагала по тротуару, ведя Рейчел за собой. Кейтлин не сразу двинулась за ними, и Грейс

схватила ее за локоть.

– Что произошло? – спросила она. – В конце вечеринки Анна действительно ушла раньше вас?

Кейтлин едва заметно покачала головой.

– Я… я не уверена, – призналась она. – Точно не помню, но, по-моему, нет…

– Кейт! – крикнула Нэнси. – Ты идешь?

– Иду! – отозвалась та, не сводя взгляда с Грейс. – Извини, я не знаю.

«Все ты знаешь, – думала Грейс, глядя вслед удаляющейся троице, скрывшейся за поворотом. – Каждая из вас в курсе, черт бы вас побрал!»

Ей не давала покоя некая странность, непонятная реакция подруг на исчезновение Анны. Ситуация казалась нелогичной, неправильной. Нужно поговорить с Беном. Разумеется, муж-то скорее решится действовать, чем подруги. Грейс отказывалась верить, что он не желает обращаться в полицию, и не собиралась сидеть и ждать, пока объявится Анна или Нэнси соизволит что-нибудь сообщить.

Грейс направилась к машине. Она лично поговорит с Беном. Прежде чем заявить об исчезновении подруги, выслушает мужа Анны, и если он еще не написал заявления, сделает это сама.

И Кейтлин тоже стоит тряхнуть как следует. Надо копнуть поглубже, что все-таки случилось в пабе.

Но прежде всего нужно съездить к «Старой Вик» и дойти по тропе до скалы Крейна. Грейс очень надеялась – подругу не понесло в ту сторону, но ей не давал покоя страх, что могло случиться, если Анна все-таки отправилась к скалам.

Три месяца назад

Анна

За окном виднелась нарядная улочка – дома на две семьи, и перед каждым ухоженная лужайка. Мне еще не доводилось бывать в этом районе, не в последнюю очередь поэтому я выбрала здешнего психотерапевта из поиска в «Гугле». Припаркованная у обочины машина не удивит знакомых, раз я в получасе езды от дома.

– Расскажите, пожалуйста, что привело вас сюда, – попросила Салли. Ее голос звучал мягко, в нем слышался легкий протяжный акцент. Зачесанные назад волосы удерживал широкий ободок а-ля Алиса в Стране Чудес, однако тонкая челка все-таки выбивалась на лоб.

Я кивнула, но ответила не сразу. В животе холодело, как перед экзаменом. Даже подъехав к дому Салли, я не была уверена, что решусь идти до конца. Поможет ли мне психотерапия? В детстве могла бы помочь, но мне ее никто не предложил, и вот сейчас, тридцати шести лет от роду, я впервые явилась на прием к психотерапевту.

Я так сильно сжала кулаки, что в пальцах почти прекратилось кровообращение. Это все страх заговорить, открыться. Никогда не любила изливать кому-то душу, отчего визит к психотерапевту казался просто усмешкой судьбы. Я волновалась, нужно ли мне заговорить а вдруг потекут слезы, и мне совсем не хотелось плакать перед незнакомкой.

– Что заставило вас взять телефон и позвонить? – подсказала Салли. – Обычно с этого легче всего начать.

Множество мыслей закружилось в голове с такой скоростью, что я едва успевала осознавать их, причем каждая только усугубляла мою неловкость. Наконец этот хоровод остановился, словно налетев на ощущение, что события стремительно выходили из-под контроля, и я не знала, как остановить это. Как объяснить Салли, я тоже не знала, поэтому ответила просто:

– У меня отец умер полтора месяца назад.

– Сочувствую.

Я хотела сказать, что все нормально, но это прозвучало бы нелепо, учитывая, что я только что назвала смерть отца причиной, заставившей меня посетить психотерапевта.

– Ближе к концу стало понятно, что к этому идет, – добавила я. – Он долго болел, хотя от этого не легче.

На самом деле катализатором явилась не кончина отца, а недели, предшествовавшие его смерти, когда он решил – настало время открыть мне правду. Признаться, эту правду не помешало бы открыть еще много лет назад или вообще молчать. Видимо, папе захотелось дать мне какие-то ответы насчет мамы и событий моего детства, только осталась я с одними вопросами, которые уже некому задать.

– Да, от этого никогда не легче, – согласилась Салли. – Вы были близки?

– Нет. Хотя в каком-то смысле, да. – Я усмехнулась: – Господи, не знаю, это сложно. Как же нам не быть близкими, если он растил меня один. С другой стороны, мы всю жизнь говорили на разных языках… Простите, мне как-то странно это обсуждать.

– С незнакомым человеком, вы хотите сказать? – уточнила Салли.

– С кем угодно. – Я отвернулась к окну, занятая мыслями об отце. Прежде я не думала, близкие мы люди или нет. Мне еще не задавали подобного вопроса. С одной стороны, вряд ли отец смог бы ответить, где я работаю, хотя место работы у меня одно-единственное после колледжа. С другой – я бы не удивилась, найди я целый альбом с хронологией моей жизни в ящике папиного стола.

Впрочем, ничего такого там не оказалось. Несколько недель назад я перерыла все его столы, шкафы и даже коробки на чердаке. Обнаружились кое-какие сюрпризы – сувениры из детства, которые отец сохранил: мои сочинения, любимые книги. Я даже порадовалась, что Бен не приехал со мной разбирать вещи, потому что в тот день сидела посреди папиной спальни и выла в голос.

Короче, я не знаю, что отец смог бы обо мне вспомнить – мы не привыкли говорить на серьезные темы. Я всегда выходила из его дома со смутным разочарованием, не понимая, приятен был ему мой визит или нет. Невозможно в двух словах описать наши отношения; в общем, даже назвать это отношениями было бы натяжкой.

– Расскажите, что вы чувствовали после кончины вашего папы? – попросила Салли.

Я подняла голову и, уставившись на несуществующее пятнышко на потолке, принялась размышлять. Уже не в первый раз я пыталась разобраться в своих чувствах. Бен спрашивал меня о том же, и всякий раз я отвечала, что мне грустно, однако знала, что это не вся правда. Мне не хотелось говорить, что к грусти примешивалась изрядная доля облегчения. Разве можно в таком признаваться? В конце концов я ответила Салли, что ощущаю себя виноватой.

– Виноватой в чем?

– Наверное, в том, что я ни разу не проявила должного упорства, чтобы наладить отношения.

В памяти вдруг возникли воспоминания о Грейс и ее семье, о многих часах и днях, даже годах, которые я провела с ними, а не с папой. Может, наши с ним отношения сложились бы иначе, не торчи я безвылазно в доме Грейс?

– Это весьма распространенное состояние после потери близкого человека, – заметила Салли. – Мы все остаемся с вопросами «а что, если?» и «где можно было поступить иначе». Порой требуется время, чтобы осознать все хорошее, что мы сделали.

– Наверное, – пробормотала я.

– Вы не могли бы рассказать мне немного о своем детстве?

– Что конкретно?

– Вы сказали, что жили вдвоем с отцом. Значит, мама жила не с вами?

– Нет. Не желаю говорить о матери, я сюда не для этого приехала.

Салли с любопытством посмотрела на меня и произнесла:

– Ладно. Так каким же был ваш отец?

– Он старался как мог, – ответила я. Эту фразу я всю жизнь твердила как некую мантру. Всякий раз, как меня спрашивали про отца, я говорила: «Он старался как мог». Это не означало, что папа был недостаточно хорош или я вполне сознаю, что такое разрываться между работой и заботами о четырехлетней дочери. Дети, как известно, без проблем не растут. Но такой ответ казался наиболее простым и наименее пренебрежительным, из категории «понять и простить».

Салли кивнула, ожидая продолжения, и я начала рассказывать:

– Когда мы подросли, он разрешал нам смотреть фильмы ужасов, потому что понятия не имел, что следует смотреть девочкам нашего возраста. Всяких лакомств в доме хватало, но в школе я обменивала магазинную пачку кексов на сырую морковь, потому что отец редко давал мне с собой полезную еду. Спать я ложилась, когда от усталости слипались глаза, однако у меня всегда была чистая одежда, и я регулярно ходила в парикмахерскую, ведь папа много трудился и, соответственно, зарабатывал… – Я замолчала и пожала плечами. – Он старался как мог.

– Вы сказали «мы». У вас есть брат или сестра?

– Нет, я говорила про свою подругу Грейс. Она была мне почти как сестра, мы вместе выросли. Грейс взяла меня под крылышко в пять лет, когда я сидела одна на игровой площадке и плакала. С тех пор мы были лучшими подругами, пока Грейс не уехала с родителями в Австралию, нам тогда было семнадцать лет. Ее родители много для меня сделали, особенно мама, Кэтрин.

Я глубоко вздохнула, потому что от чувства вины у меня перехватило горло. Ведь еще совсем недавно жизнь казалась восхитительно простой; главное, чтобы близкие были живы и здоровы!

Нэнси твердила мне, что я простая душа. «Никакого в тебе кипения страстей, Анна», – повторяла она, а мне ничего такого и не нужно. Когда-то я мечтала о семье, как у Грейс, – ее родители казались мне почти идеальными, но ведь в детстве видишь то, что хочешь видеть. Сейчас я понимаю, что наша с Беном семья лучше.

– Мы пытаемся усыновить ребенка, – неожиданно произнесла я. – Об этом мало кто знает – не хочу искушать судьбу.

– Прекрасно, – улыбнулась Салли.

Я кивнула.

– После Итана я не могу больше рожать. Я думала, сына нам хватит, но мы с Беном поговорили и поняли, что хотим еще детей. Я мечтаю, чтобы Итан подружился с малышом… С сестричкой. Летом нам подыскали девочку – настоящая красавица, зовут Зейди. – Я машинально полезла в сумку, где лежал снимок двухлетней малышки, в которую я влюбилась, едва увидев фото. Мне хотелось показать его Салли, но я удержалась из суеверия, что удочерение сорвется, и не стала рисковать. – Она пока в приемной семье в Гэмпшире, – продолжила я. – Процесс удочерения почему-то затягивается, то одно, то другое…

– Вы кажетесь взволнованной, – заметила Салли.

– Боюсь, что-нибудь произойдет, и нам ее не отдадут. Я этого не вынесу… – Я замолчала и опустила голову. Бен часто повторяет, что я очень сентиментальная. По его мнению, ничего плохого не случится, если я кому-то скажу о Зейди.

– Вы потеряли отца, Анна, поэтому ваше волнение вполне оправданно.

Я натянуто улыбнулась.

– Расскажите, как вы жили, когда Грейс уехала в Австралию. Полагаю, тяжело расставаться в этом возрасте с лучшей подругой, тем более что вы много времени проводили вместе.

– Да, это было тяжело. – Я вспомнила, как стояла в аэропорту Хитроу с мокрым от слез лицом и смотрела, как Грейс идет через стеклянные двери на летное поле. – Они звали меня с собой, – добавила я.

– Вот как? – удивилась Салли.

Мои подруги тоже удивились, когда я им сказала об этом на прошлой неделе. «Зачем они хотели и тебя забрать? – воскликнула Рейчел. – Так люди не делают».

А Нэнси, прищурившись, многозначительно посмотрела на Грейс, которая на другом конце игровой площадки разговаривала с директрисой школы. Мне было интересно, какие комментарии подруги оставили при себе. Ни одна из нас не искала добра от добра, приводя в компанию новых людей, – таков был уговор. Однако приехала Грейс, и ее появление стало угрозой нашей дружбе. Нэнси сразу ее невзлюбила – неприязнь сквозила в ее вопросах. Она не доверяла Грейс, и я сочла за лучшее развести их как можно дальше.

Увидев, что Салли подалась вперед в кресле, я ответила:

– Это только кажется странным, а в тот момент было в порядке вещей. Вы бы не удивлялись, если бы знали нашу историю.

Кэтрин заботилась обо мне как о второй дочери. Уезжая на отдых, Гудвины всегда брали меня с собой. До окончания школы мы с Грейс всегда были вместе. Странно было бы нас разлучать.

– Но папа, конечно, не согласился отпустить меня в Австралию. Я помню, какое у него было лицо, когда Кэтрин подошла к нему со своей просьбой. Когда мы остались вдвоем, папа спросил, неужели я действительно хочу уехать. Я ответила, что нет, потому что у меня сжалось сердце при виде его печальных глаз.

– А на самом деле хотели? – спросила Салли.

Я пожала плечами.

– В то время да. Когда Грейс уехала, я чуть ли не мстила своему отцу за то, что он, сам того не зная, качнул чашу весов в свою сторону. Но теперь я рада, что не уехала, – иначе я не познакомилась бы с Беном и не родила бы Итана. А недавно Грейс вернулась, – продолжила я. – Представляете, в тот самый день, когда я закончила разбирать вещи отца и приехала домой, она вдруг звонит и говорит: «Выйди на крыльцо». Я выхожу и вижу на нашей дорожке Грейс! – Глаза у меня вдруг наполнились слезами, и я засмеялась, стараясь их прогнать. – Господи, да что со мной такое?

Салли улыбнулась, достала салфетку из коробки и протянула мне.

– Именно в тот момент меня и прорвало – наконец-то нашлось с кем поговорить, кто прекрасно помнил моего отца. Никто столько не знал о папе и моей жизни, как Грейс. Простите, я не понимаю, почему плачу…

– Не извиняйтесь.

– Понимаете, в детстве меня не покидало ощущение, что Грейс и ее родители исправляют огрехи, допущенные моим отцом. Каждый сочельник Кэтрин устраивала нам с Грейс особый праздник – в пижамах, с горячим шоколадом и пастилой. А на Пасху я утром приходила к ним и вместе с Грейс начинала искать шоколадные яйца. Мы их иногда до вечернего чая искали, так хорошо они были запрятаны. Странно, но мне и в голову не приходило задуматься, почему в моем саду не бывает пасхальных яиц… Ладно, – вздохнула я. – Я уже совсем другой человек и не нуждаюсь в постоянной заботе. Взрослая женщина, господи! – Я попыталась засмеяться, но у меня отчего-то вырвался всхлип. – Люди же меняются?

И Салли согласилась, что да, люди могут измениться.

В конце приема она сказала:

– Мне бы хотелось, чтобы к нашей следующей встрече вы подумали, нет ли, помимо кончины вашего папы, иных причин, которые привели вас ко мне.

Салли внимательно смотрела на меня, вероятно, уже догадываясь, что причины есть.

Глава 3

Грейс

От школы до паба «Старая Вик» ехать пришлось пятнадцать минут; ситуацию не ускорили одностороннее движение и пробка на выезде из Клируотера. Грейс успела позвонить Анне (сразу включился автоответчик) и оставить сообщение. В ее воображении стремительно сменялись десятки разных сценариев, объяснявших исчезновение подруги.

Грейс была рада убраться подальше от вытаращенных глаз мамаш, чьи пристальные взгляды она буквально ощущала спиной. Родительницы явно решили не расходиться, не посплетничав у кафе-тонара возле школьных ворот, и Грейс не сомневалась, что стала таким же объектом перешептываний, как и Анна.

За последние три месяца она не раз стояла утром на игровой площадке, гадая, замечают ли окружающие, что пресловутая четверка держится особняком. В первый день учебы Матильды в Сент-Кристофер Грейс с гордостью всем рассказывала, что дружит с Анной с пяти лет, однако этот факт быстро превратился в источник неловкости – она неизменно оказывалась в одиночестве, потому что Анна общалась лишь со своей компанией.

– Сюрприз! – воскликнула Грейс, встретив Анну первого сентября. За спиной лучшей подруги маячили три женщины, с интересом глядя на нее.

Но вскоре радость от приезда Грейс исчезла, и Анна вернулась к Нэнси, Рейчел и Кейтлин. Вот почему Грейс удивилась, когда она пригласила ее в паб отметить приближающееся Рождество.

На маленькой кольцевой развязке Грейс свернула влево и направилась вдоль моря к пабу «Старая Вик», находившемуся в конце дороги. Парковка была пуста, не считая помятого «форда», стоявшего у выезда с заднего двора. Некоторое время Грейс глядела на паб, странно тихий для потенциального места

преступления. От этой мысли пульс у нее сбился и зачастил. Именно тишина и пустота действовали на нервы сильнее всего, поняла Грейс, выбираясь из машины. Словно никого не волновало исчезновение Анны, будто никому и дела не было до того, что с ней могло случиться.

Анну не видели уже несколько часов, однако никто не опрашивает хозяина паба, не собирает микроследы, не ищет ДНК. Неужели рано привлекать полицию? Или не надо сеять панику?

Но не зря же говорят, что при розыске пропавших каждая минута на вес золота! Тщетно Грейс уговаривала себя, что причин для волнения нет.

Глядя на паб, она вспоминала разговор с подругами Анны. Эти дамы темнят. Наверняка сейчас они вместе обсуждают то, что случилось под конец вечеринки, или тоже анализируют вчерашнюю ночь по минутам. Грейс не давала покоя мысль, что они знают больше, чем говорят.

В общем, если бы сама бы Грейс не объявилась утром, ей бы очень хотелось, что кто-нибудь поднял тревогу и начал поиски. Ведь любому понятно – что-то произошло.

За отбойной стеной, у которой заканчивалась парковка, волны ритмично набегали на галечный пляж. Грейс заперла машину и направилась туда.

Справа высились скалы – белизна отвесных стен выглядела особенно величественно на фоне серого пасмурного неба. С вершины открывался прекрасный вид на Клируотер с лабиринтом улиц, петлявших между рядами домов. Грейс представила, как, должно быть, изменился привычный пейзаж с появлением нового района, коричневато-красным пятном маячившего справа вдали, и роскошного жилого комплекса первой линии, выходившего из земли сверкающей огнями остроконечной башней.

После своего возвращения Грейс еще не поднималась на скалы. С содроганием оторвав взгляд от вершины, она осмотрела длинный пляж. Вдалеке человек, гулявший с собакой, бросал палку на пустой берег. Впереди расстилалась огромная водная гладь. Летом темная масса воды расцвечивалась яркими точками серфов и лодок, но сегодня не было никого. На горизонте серо-стальное море сливалось с хмурым небом. Дул холодный ветер.

Грейс со вздохом отвернулась и прислонилась к каменной стене, глядя на паб «Старая Вик». Этот участок берега не отличался красотой: ядовито-розовый паб в дорожном тупике, подпертый стеной-волнорезом. Здесь столько можно было бы сделать, подумала Грейс, но ни у кого нет ни денег, ни желания. У нее часто возникало ощущение, что Клируотер – богом забытая глушь, со своей единственной дорогой на Уэймут, по которой ездят в основном на работу и домой.

Она через силу вздохнула – грудь заболела от холодного воздуха. Последняя фраза Нэнси жглась как крапива: «Я не пытаюсь острить, Грейс, но ты и понятия не имеешь, как Анна поступила бы, а как не поступила».

Нэнси ревновала. Вчера в пабе она со смехом заявила: «Нам нужно держать ухо востро, иначе ты снова попытаешься увезти Анну на другой конец света». Затем она посерьезнела, чтобы Грейс поняла – это не шутка.

Эта дама вызывала антипатию – Грейс находила ее излишне напористой и самоуверенной. Нэнси всякий раз бывала недовольна, если не она командовала парадом. Она напоминала кое-кого из прошлого – тогда Анну тоже втянули в подобную дружбу-зависимость, и Грейс, не удержавшись, напомнила об этом в пабе. Наверное, следовало промолчать, но Грейс не сдержалась, понимая, что история повторяется. Может, нужно было действовать решительнее, достучаться до Анны, физически оттащить ее от края? А если она опоздала?

С заднего двора паба «Старая Вик» доносились разные звуки и звяканье бутылок, поэтому Грейс обошла «форд» и толкнула дверь черного хода. Дверь оказалась заперта, и Грейс принялась стучать кулаком по трухлявому дереву и громко звать:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

– Ну есть, – раздался сиплый баритон. Звяканье прекратилось.

– Можно вас на два слова?

За забором послышались шаги, тяжелый засов двинулся в петлях, и дверь распахнулась. За ней стоял вчерашний бармен в футболке и шортах, несмотря

на холод.

– Слушаю вас, – сказал он, наклонив голову. В руке бармен держал мусорный черный пакет, который чуть не лопался под тяжестью содержимого. – Хватились чего?

– Что? – не поняла Грейс.

– Вы тут вчера были, – пояснил он. – Что-нибудь оставили у нас?

– Нет-нет, я хотела с вами поговорить об одной из женщин, с которыми вчера была.

Бармен поднял брови и усмехнулся. Молодой, лет двадцати восьми, с густой бородой и взъерошенными волосами. Вчера он показался Грейс привлекательным, но сейчас от него пахло потом и гнилыми зубами, а из пакета просачивался запах отходов. Грейс едва удержалась, чтобы не отступить на шаг.

– Что еще я натворил? – пошутил он.

– Ничего… надеюсь, – сказала она. – Эта женщина пропала.

– Ого! – Его улыбка исчезла. Бармен выпрямился. – В каком смысле – пропала? О ком вы говорите? – Грейс заметила, что он насторожился: мощные мышцы напряглись, и бармен крепче сжал мешок с мусором.

– Моя подруга вчера не вернулась домой. Я за нее волнуюсь. Может, вы видели, как она уходила? Не заметили чего-то подозрительного?

Грейс осеклась, спохватившись, что не ей бы вести этот разговор. В серьезных случаях опрос потенциальных свидетелей надо предоставлять полиции.

– Вы здесь находились с компанией, – произнес бармен. – О ком конкретно вы говорите?

– Об Анне. Миниатюрная стройная блондинка, она текилу заказывала.

Бармен кивнул и пожал плечами:

– От меня-то вы чего хотите?

– Я уехала первой, – продолжила Грейс. – Поэтому просто интересуюсь, не обратили ли вы внимания, что с ней было позднее. Может, она в такси села или ушла раньше остальных?

– Дамочки сидели до упора, примерно до половины первого. Две начали ссориться между собой, но я, ей-богу, не вспомню, кто из них скандалил. Уехали они вместе, это точно. Одна вызвала такси, и машина прибыла, я в окно видел. Я уже поднялся к себе, – кивнул он на паб за спиной, – я живу наверху. А что там дальше произошло, когда они из паба вышли, не знаю.

– Вы уверены, что они были вчетвером? – уточнила она. – Все четверо сидели за столом, когда приехало такси?

Бармен потер лицо рукой.

– Да, компания была полная.

Грейс глубоко вздохнула и задержала дыхание.

– А еще кто-нибудь их видел? – спросила она.

– Не знаю, может, Майк. Он убирался, когда я отправился наверх.

– Кто такой Майк?

– Парнишка, тоже за баром стоит. С бритой головой.

– Не подскажете, как мне поговорить с ним?

– Он будет после трех. – Бармен помолчал. – А разве этим не полиция должна заниматься? Раз ваша подруга пропала?

– Я просто ехала мимо и захотела взглянуть своими глазами. Спасибо, что помогли.

– Без проблем. – Бармен снова потащил мусорный мешок через маленький задний двор, когда Грейс отступила от двери. – Надеюсь, ваша подруга найдется.

– Я тоже, – произнесла она, когда тот вернулся и закрыл за ней калитку.

Минуту Грейс стояла, размышляя. Если подруги дожидались такси вчетвером, тогда Анна не уехала раньше, как утверждает Нэнси. Они не могли не заметить, что ее нет с ними в такси. И ссору они скрыли. Почему они ей солгали?

Сунув задрожавшие руки поглубже в карманы, Грейс зашагала к автомобилю. Она понимала, что нужно звонить в полицию, однако не торопилась обращаться туда. Грейс не привыкла бегать от проблем; сначала она сама задаст вопросы Нэнси, Кейтлин и Рейчел.

Но, взглянув на скалы, выступавшие на фоне серого неба, Грейс почувствовала, что не может уехать, пока не убедится, что Анны там нет.

Эти места Грейс знала как свои пять пальцев. Хотя до вчерашнего вечера она сюда не наведывалась, сейчас ей казалось, будто она и не уезжала вовсе.

Вот извилистая тропинка, которая тянется наверх, сворачивая опасно близко к краю крутых уступов. На полпути тропа скрывается в рощице, скрадывающей и без того тусклый свет зимнего дня.

Скала Крейна весьма живописна со своими вытоптанными в меловой породе тропами, однако в отвесных обрывах, которые невозможно различить в темноте, чудится нечто зловещее.

В детстве Грейс с родителями много раз поднималась на эти скалы. Мать крепко держала ее за руку и сразу тянула к себе, стоило им оказаться даже в нескольких метрах от обрыва. Зато отец повторял: «Это безопасно, если дурака не валять».

Им с Анной было тринадцать лет, когда они впервые отважились пойти на скалу ночью, хотя прежде энергично качали головами: надо быть совсем безмозглым, чтобы на такое решиться. Все слышали о мальчике, сорвавшемся со скалы на велосипеде и разбившемся насмерть!

В Клируотере эту историю действительно часто вспоминали, но, когда Грейс попыталась найти информацию об этом случае, ни о каком погибшем мальчике официальных данных не обнаружилось.

И Грейс сообразила, что это обыкновенная городская легенда, страшилка, которой мать пугала их с Анной, чтобы они не рисковали. К тому времени ей уже исполнилось пятнадцать и она поняла, какими опасными бывают скалы.

У нее была собственная страшилка, которую Анна тоже прекрасно знала.

Вот почему мысль, что Анна, пошатываясь от выпитого, могла бродить по узкой тропинке, да еще в темноте, казалась нелепой и одновременно реальной. На трезвую голову подругу к скалам и близко не заманишь, но вчера Анна вообще была не в себе.

Грейс припомнила кое-что еще из событий вчерашнего вечера. Анна, стоя у барной стойки, вдруг повернулась к ней.

– Почему? – спросила она.

– Что?

– Почему тебе так нужно поговорить со мной наедине? – Подозвав бармена, Анна заказала еще бутылку вина.

– Хотела убедиться, что ты в порядке, – ответила Грейс. Она чувствовала – происходит что-то неладное, вот и решила выяснить. А еще ей хотелось хотя бы минуту пообщаться с подругой без назойливой троицы, отвечавшей за Анну, перебивавшей разговор, всячески подчеркивавшей, что они лучше знают ее, чем Грейс.

– Ты точно в порядке? – спросила Грейс.

Подруга смотрела куда-то сквозь нее.

– Я хочу побыть с тобой одной, Анна, – продолжила Грейс. – Ты и я, как раньше.

– Это было девятнадцать лет назад. Грейс, я давно не та, что прежде. Ты и понятия не имеешь… – Она замолчала.

– О чем? – напряглась Грейс, но Анна покачала головой и отвернулась к бару.

Грейс взяла подругу за локоть, чтобы развернуть к себе.

– О чем я не знаю? – Необходимо было выяснить, что все-таки мучает Анну.

Подруга высвободила руку. Грейс могла поклясться, что в ее глазах мелькают слезы. Но тут подошла Кейтлин:

– Помощь нужна?

Краем глаза Грейс заметила, что и Нэнси следит за ними. Значит, это она отправила к ним Кейтлин.

Да, миновало девятнадцать лет. Они сильно изменились. Но Грейс, вернувшись в город своего детства, надеялась возобновить старую дружбу, а ее уже три месяца держат на расстоянии. И желание это Анны или влияние ее подруг, Грейс пока не поняла.

Поднялся ветер. Грейс достала из кармана перчатки, плотнее запахнула пальто. Тревога усиливалась. Нельзя было вчера уходить из бара, но, с другой стороны, Анна не сделала попытки остановить ее, когда Грейс вызвала себе такси. На лице подруги мелькнула даже тень облегчения. Грейс это обидело, но сейчас она сожалела, что ушла.

Тропа тянулась все выше, а воздух становился плотнее. Склон был пологий, да и Грейс привыкла к спортивным нагрузкам, но дышалось ей с трудом. Чем ближе была вершина скалы Крейна – вот-вот откроется за поворотом плоская площадка, – тем сильнее Грейс боялась того, что может увидеть.

Она твердила себе, что Анну давно бы нашли, если бы ее тело лежало у подножия скалы. Но вокруг было тихо.

Пронизывающий ветер пробирал до костей. Грейс натянула шапку на лоб, с бьющимся сердцем приближаясь к повороту.

Нет, смотреть вниз нельзя. Она слишком хорошо знала, что скалы делают с человеком. Если, перегнувшись, она увидит внизу ярко-красное пальто, в котором Анна была вчера, жизнь никогда не останется прежней. Трепет и ужас перед тем, что она может увидеть внизу, стали нестерпимыми.

На повороте Грейс остановилась и зажмурилась. Ею так завладела мысль, что Анна лежит на камнях под скалой, что, когда она наконец подалась вперед и открыла глаза, ей понадобилось время, чтобы прийти в себя. Она с шумом выдохнула и оглядела берег, не заметив ни единой красной точки, ничего похожего на пальто Анны. С огромным облегчением Грейс отступила назад и зажала рот рукой, только сейчас осознав, как сильно боялась увидеть внизу Анну. Отступив от обрыва, она начала спускаться по тропе. Конечно, хорошо, что обошлось без трагедии, но Анна все-таки пропала. Грейс ускорила шаг, на ходу принимая решение: нужно срочно поговорить с Беном Робинсоном.

Октябрь, девять недель назад

Анна

Я расстегнула и стянула куртку, пристроив ее на подлокотник, но продолжала прижимать одной рукой – знакомое ощущение успокаивало. Я цеплялась за куртку как за последнюю надежду, пусть это покажется чересчур сентиментальным. Несколько недель меня не отпускало напряжение, чувство стремительного падения, неудержимой потери себя.

Я уговаривала себя – раз приехала, нужно довериться Салли. Но мне всегда было сложно доверять людям. Есть вещи, которыми я ни с кем не делилась – ни с Беном, ни с Нэнси… Я утратила способность доверять уже давно, и, если честно, есть лишь один человек, с кем я могла бы поговорить откровенно, – Грейс.

Но принесет ли мне облегчение серьезный разговор с ней, я не знала. Раньше ближе ее у меня никого не было, но сейчас, по прошествии стольких лет, я стараюсь держать Грейс на расстоянии.

Салли интересуется, как прошла неделя. Этим вопросом она намекает мне, чтобы я рассказала о том, что меня тревожит. В голову сразу приходит то, что случилось шесть дней назад.

Я стояла в актовом зале и зачитывала список дел, который наш родительский комитет должен был закончить за три дня, оставшиеся до вечера открытых дверей. Я в комитете уже четвертый год и знаю, сколько всего надо успеть до обеда, а мы только начали.

В окно я увидела Грейс, спешившую через игровую площадку. Они с Матильдой опаздывали. Ее лицо было мрачным, она хмуро взглянула на меня, заметив, что я смотрю через стекло.

– Все в порядке? – спросила я, преувеличенно артикулируя.

Грейс остановилась и глубоко вздохнула. Я спустилась с крыльца и приблизилась к ней.

– Да так… – Она махнула рукой. – Грэм… Короче, ничего нового.

– А что случилось? – Грейс рассказывала о муже не охотнее, чем я о Бене, самое основное – где познакомились и когда поженились.

Она встретила Грэма десять лет назад, через год после того, как мы с Беном стали парой. Я с будущим мужем тоже познакомилась на работе, но на этом сходство заканчивалось. Бен был начисто лишен профессионального честолюбия Грэма. Он никогда не мечтал жить в другой стране, вдали от жены и сына, да я бы ему и не позволила. Ни он, ни я не склонны гореть на работе и жертвовать личной жизнью. А Грейс и Грэма такая жизнь, по-моему, устраивала.

Но в то утро Грейс раздраженно произнесла:

– Этому человеку не знакома концепция семейной жизни. Он последняя дрянь и законченный эгоист.

В ее глазах полыхнула ненависть.

– Матильду несколько месяцев не видел, – продолжила она.

– Сочувствую. Вероятно, вам трудно, когда он так далеко. У него не получается взять отпуск?

– Хотел бы – взял бы! – бросила Грейс.

– Мне очень жаль. Я и не догадывалась, что все настолько серьезно.

Грейс пожала плечами и опустила голову.

– А что вы там делаете? – Она показала на актовый зал.

– В пятницу вечер открытых дверей, я помогаю с подготовкой. Вот, собрались, чтобы сориентироваться, что нужно сделать.

– Ты молодец!

– Мне это нравится, – улыбнулась я.

– Слушай, а приезжай ко мне вечером в пятницу в гости? – предложила Грейс. – Поболтаем, пообщаемся. Я могу приготовить ужин, откроем бутылку вина…

Я вспомнила о своих планах на пятницу. Каждый год после вечера открытых дверей мы с Нэнси, Кейтлин и Рейчел оправляемся в «Джованни» есть пиццу. Нэнси наверняка уже заказала столик; это прекрасная возможность посидеть за бокалом вина и рассказать, как у кого прошло лето, и чтобы дети не крутились рядом.

Грейс радостно улыбнулась:

– Давно хочу с тобой пообщаться, а то мы все никак не соберемся.

– Ну хорошо, давай, почему бы и нет, – сдержанно произнесла я.

– Отлично! – Грейс подалась вперед и дружески сжала мне руку. – Ты и я, как в прежние времена! Я буду очень ждать.

Я смотрела ей вслед, зная, что не пойду в гости к ней. Бен мне часто повторял, что неумение отказывать людям мне только вредит.

Я могла предложить другой день. Даже пригласить Грейс с нами в пиццерию. Но я ничего этого не сделала. Я разрывалась между долгом и желанием, терзаясь угрызениями совести за то, что подвожу старую подругу, и раздражаясь, что сама поставила себя в такое положение.

Вечером я позвонила Грейс и солгала, будто Бен уезжает и мне придется остаться дома, поэтому наша встреча откладывается. Потом написала подругам сообщение с просьбой не озвучивать наши планы насчет пиццы, впервые за долгое время снова чувствуя себя школьницей.

– Не представляю, что произойдет, если она узнает правду, – призналась я Салли. – Я должна была к ней съездить, ведь Грейс в Клируотере не с кем общаться, а я выбрала других своих подруг.

– Вы словно изводите себя за это решение, Анна. Может, лучше попытаться понять, почему вы поступили именно так? Почему вы не пригласили Грейс пойти с вами?

– Да, на первый взгляд это было проще всего, – отозвалась я.

– Но это не так?

Я покачала головой. В компании Грейс часто заводила разговор о прошлом, о школьных каникулах и поездках на природу и шутила, что у ее мамы были две дочери. Через неделю Нэнси заявила, что этот неиссякаемый поток сознания ее уже достал.

– Вы с ней очень разные, – сказала она мне. – Неужели ты не понимаешь?

Действительно, я заметила, что у нас с Грейс не осталось ничего общего. Теперь Нэнси знает меня лучше других и недоумевает, почему я цепляюсь за дружбу двадцатилетней давности.

– Ты ей ничего не должна, – убеждала она.

Словно прочитав мои мысли, Салли произнесла:

– Спустя столько лет ваши отношения сильно изменились. Вероятно, вы обе заново ищете место в жизни друг друга?

– Да, наверное. Сейчас жизнь иная, и мы другие.

В детстве у Грейс было все, о чем я могла только мечтать. Речь даже не о вещах, а о ее семье, домашнем укладе. Ей нечего было желать, а я постоянно стремилась к большему. Хотела быть как она… но больше не хочу.

– Сейчас у меня есть все, – сказала я. – А у Грейс, по-моему, нет.

– Анна, как вы считаете, может, в глубине души вам не хочется, чтобы вам напоминали о прошлом? – спросила Салли. Она отложила в сторону синюю в горошек тетрадь, которая всегда лежит открытой у нее на коленях, и, будто нахмурившись, стянула обруч с волос и тут же надела снова. – А общение с Грейс служит ненужным напоминанием?

Я взяла куртку с подлокотника и скомкала ее, водя пальцами по мягкому хлопку.

– Пожалуй, вы правы. Я не намерена погружаться в прошлое.

– Этому есть какая-то причина? Я бы хотела побольше узнать о вашей семье, об отсутствии матери в вашей жизни.

– Никаких причин нет, – ответила я. Пусть это неправда, но моя мать здесь ни при чем.

– Тогда расскажите о Бене, прежде чем мы закончим сегодня, а то я о нем почти ничего не знаю.

Я улыбнулась при упоминании имени мужа.

– А что вы хотите узнать?

– Все, что вы пожелаете мне рассказать.

– Бен – прекрасный человек, у нас крепкий брак. Отношения ровные, мы не ссоримся и не спорим.

Салли молчала, и я продолжила:

– Бен рос совсем в иных условиях – его родители до сих пор вместе, и есть сестра, которую он очень любит. В общем, степфордская семья, – улыбнулась я. – Но я всегда мечтала об образцовом доме, мне с ними комфортно, спокойно… Кому-то это покажется скучным, но…

– Отчего же, в комфортных отношениях много преимуществ, особенно когда все остальное лишает душевного равновесия. Если Бен дает вам стабильность, это хорошо. Вы говорили ему о своих чувствах после потери отца? – спросила Салли.

Я покачала головой.

– Думаю, он меня не поймет, – призналась я и чуть не физически ощутила ее удивление при таком крутом повороте в описании идеального брака. – Моя подруга Нэнси считает, что у меня бесконфликтный брак, – добавила я. – Это потому, что мы с Беном неконфликтные. Мы… – я поводила рукой вдоль воображаемой горизонтальной линии, – плывем по течению.

– Вы считаете, что поговорить с ним нельзя?

– Это трудно объяснить. Мы просто… я просто… Я пока не заводила этот разговор.

Я не уточнила, что и не хочу, но проблема заключалась как раз в этом, а причины моего нежелания я пока не могу объяснить Салли.

– Вы сказали Бену, что сегодня едете ко мне?

Я отвернулась к окну и принялась разглядывать улицу.

– Нет, Бен об этом не знает, – призналась я. – И никто не знает.

Я прикусила губу, не желая поворачиваться и видеть выражение лица Салли. Я готова была попрощаться – наше время истекло.

– Анна, есть ли определенная причина, почему вы не сообщили Бену?

Мне показалось, Салли полагает, будто у жены не может быть причин скрывать от мужа, что она обратилась к психотерапевту из-за своего горя. Похоже, она уже догадалась, что мои визиты к ней не связаны с потерей отца. Но правда намного хуже того, что она может подумать.

Глава 4

Грейс

На часах было без двадцати десять – прошло более восьми часов после того, как Анну видели в последний раз. Все, что удалось выяснить Грейс, – Анна и три ее подруги просидели в пабе до закрытия, а потом вызвали такси. Но по какой-то неизвестной причине три женщины добрались домой, а Анна нет.

Грейс села в машину, оглянулась на скалы и запертую, с закрытыми ставнями «Старую Вик», и двинулась вдоль берега, посматривая в обе стороны. Она не знала, что ищет. Может, яркое пятно красного пальто? Неужели в ней жила безумная надежда, что она увидит Анну сидящей на галечном пляже, целой и невредимой, но отчего-то не желающей возвращаться домой?

Но пейзаж был тусклым и монотонным. На кольцевой развязке нужно было повернуть направо, чтобы не попасть в Уэймут. А ведь именно в эту сторону направилась бы Анна, если вчера она действительно ушла пешком. Автомобилист таким путем без крайней нужды не поедет, но для пешехода это короткая дорога, позволяющая сэкономить время.

Анна могла выбрать из десятка маршрутов, но Грейс, часто сворачивая, пробиралась к новому району, где жила подруга. Она ехала на предельно малой скорости, зорко поглядывая вокруг, пока не добралась до улицы Анны, остановившись около двухэтажного частного дома.

Как все улицы в новом массиве, эта была стандартной застройки и заканчивалась тупиком. Дома отличались лишь размерами – на три спальни, на четыре и на целых пять. Заблудиться в этом лабиринте одинаковых строений можно было легко.

Заметив машину Анны на подъездной дорожке, Грейс встрепенулась, решив, что подруга дома, но радоваться было рано. Шторы у Робинсонов были опущены. Грейс представила, что делает Бен за зашторенными окнами: наверное, нервно меряет шагами комнаты, обзванивая всех, кого можно. Интересно, он уже сообщил в полицию?

Личное знакомство с Беном ограничивалось у Грейс несколькими короткими эпизодами. Внешне он был воплощением идеала, о котором ее лучшая подруга мечтала в шестнадцать лет. Тогда они с Анной вырезали картинки из журналов, причем им нравились молодые люди одного типа – темноволосые и с выразительной мимикой, как Робби Уильямс. Сама Грейс, напротив, стала женой человека, ничем не напоминавшего героя ее девичьих грез. Седеющий, с рано обозначившимися залысинами, Грэм привлек ее не внешностью, а заботой, вниманием, душевной зрелостью. Правда, в последнее время прежнее очарование потускнело.

Грейс даже опешила, впервые увидев Бена Робинсона – перед ней стоял эталонный высокий и смуглый брюнет. Рядом с ним Анна казалась чуть ли не лилипуткой – она не доходила мужу и до плеча. Бен широко улыбнулся Грейс и пожал ей руку, обдав ароматом «Хьюго Босс» или чего-то похожего.

Но миновало уже три месяца, а Грейс знала лишь, что Бен родом из Корнуолла, он инженер, раз в месяц ездит по работе в Лондон, и, хотя они с Анной не могут больше иметь детей, Итана им обоим более чем достаточно.

Грейс не хватало мелочей, которыми принято делиться у подруг. Она не знала, чем Бен, допустим, раздражает Анну – может, стрижет ногти на кровати или засыпает, читая новости, и утром Анна находит у него на груди айпад. Разные детали тоже оставались для Грейс тайной: как Бен вел себя, пока они с Анной ждали и рожали Итана, и умел ли он выбирать подарки ко дню рождения.

Были и другие, более важные вещи – что вдохновляет Бена, счастлива ли с ним Анна или чем-то недовольна, но скрывает это от всех.

Зато Грейс знала, что недавно Бену исполнилось сорок. Однажды утром около школы Анна отвела ее в сторону, затеяв для вида разговор о чем-то постороннем, и будто невзначай произнесла:

– Через две недели Бену стукнет сорок лет, но мы особо не отмечаем, он собирает только близких друзей. Грейс, я бы тебя тоже пригласила, но это же его день рождения, понимаешь?

Грейс видела Бена всего три раза, но ее задело, что единственными гостями у Робинсонов стали Нэнси, Кейтлин и Рейчел с мужьями. Это как бы помещало их в ближний круг Анны, а Грейс отбрасывало на периферию.

Выбравшись из машины, она направилась к дому по аккуратной дорожке. Бен, наверное, находился где-то в коридоре, потому что открыл дверь почти сразу.

Мгновение он недоуменно вглядывался в Грейс, после чего перевел дыхание. Ей стало ясно, что Бен не сразу узнал ее, а когда вспомнил, это принесло ему некоторое облегчение. Будто он ожидал полицию или человека с дурными новостями. Его реакция заставляла поверить, что Анна не возвращалась домой. Выражение страха на лице Бена можно было приписать только одному: он понятия не имеет, что произошло с его женой.

– Вы что-нибудь… – Бен поколебался, будто не очень желая услышать ответ. – Что-нибудь знаете?

Грейс покачала головой, ожидая, что он пригласит ее в дом.

– Я не могла не приехать… – начала она и замолчала. Не могла не приехать – и что? Сказать, что она пришла предложить свою поддержку, или поинтересоваться, заявил ли Бен об исчезновении жены?

Подобный интерес граничил с навязчивостью, усугублявшейся фактом, что Грейс мало знала Бена. Но отчего бы ей не приехать, в самом деле? Она волнуется, ищет ответы, которые, как уже не сомневалась Грейс, от нее утаивают.

Она прошла за Беном в коридор с кремовым паласом и оливково-зелеными стенами. Ординарность обстановки компенсировалась тем совершенством простоты, которое бывает только в новых домах. Повсюду висели фотографии Итана с родителями и одного, и Грейс, идя через гостиную открытой планировки, ежилась от их взглядов, будто следивших за ней.

В углу стояла рождественская елка, украшенная самодельными игрушками, под ней лежали завернутые подарки. Грейс представила, как в рождественское утро вся семья, рассевшись вокруг елки в пижамах, открывает подарки, а в духовке томится большая индейка в преддверии появления гостей. Любопытно, за праздничным столом соберутся родственники Бена или снова Нэнси и К??

Как они отметят Рождество в этом году без Анны… Грейс поспешно отвернулась и увидела, что Бен ждет ее на пороге кухни. Посередине находился дубовый стол, заваленный книгами и фломастерами. От глубокой тарелки с Человеком-Пауком, в которой мокли кукурузные хлопья, пахло прокисшим молоком. Когда Грейс бывала у Анны в гостях, все лишнее было убрано в серые корзины, стоявшие на полках, но сегодня словно все их содержимое было вывалено на стол.

– Я так понимаю, от Анны никаких вестей? – спросила Грейс, осматриваясь. Странно, она могла бы нарисовать по памяти кухню из детства Анны, а здесь будто попала в гости к незнакомке. Фотографии, собранные в большие коллажи в белых рамах, немного оживляли годы, которые Грейс пропустила в жизни лучшей подруги, но она мало кого узнавала на снимках.

В ожидании ответа она внимательно смотрела на Бена. Он покачал головой, неловко стоя перед ней и настороженно глядя ей в лицо. У Грейс возникло

ощущение, будто он не очень-то рад ее видеть.

– Нет. И дозвониться до нее не могу – телефон выключен. – Нервными движениями Бен часто поглаживал столешницу, смахивая что-то невидимое. – Вы там были? – Вскинув голову, он уставился на Грейс, словно впервые сообразив, что вечером она тоже могла находиться в пабе. – Вы с Анной вчера вместе были?

Грейс кивнула:

– Да, но я ушла раньше остальных. Я вернулась домой еще до полуночи.

– Черт, – пробормотал он, переведя взгляд куда-то на сад за домом. Шагнув к застекленной двери, Бен с размаху ударил ладонями по раме. От резкого звука Грейс вздрогнула. Когда Бен обернулся, глаза у него были стеклянные, руки дрожали. – Я и не знал, что вы тоже едете. Думал, они вчетвером соберутся… – Отодвинув табурет, он сел, сложив руки домиком и прижавшись губами к кончикам пальцев. Грейс не поняла, какая Бену, собственно, разница. – Как она себя вела? – спросил он. – Моя жена?

Грейс наклонила голову при этой странной формулировке – Бен будто считал, что Анна сама виновата в случившемся.

– Я просто хочу знать, – продолжил он. – Скажите, они пили? Они все любят выпить, я много раз видел, как они договаривались с владельцем, чтобы их не выставляли после закрытия.

Грейс прислушивалась к его интонациям. В голосе звучало скорее раздражение, чем беспокойство.

– Что там вчера происходило?

– Все пили, – призналась Грейс.

– А Анна, она…

– Что?

– Может, Анна с кем-то общалась? Вы ее с кем-нибудь видели? – уточнил Бен.

– Вы про мужчин, что ли?

– Я не знаю! – выкрикнул он. – Про мужчин, про кого угодно, лишь бы понять, что произошло с моей женой! – Бен оттолкнул табурет и вскочил, глядя на Грейс.

– Нет, – энергично замотала головой Грейс, – ничего такого не было. – Неужели Бен подозревает, что к исчезновению Анны причастен мужчина? – Вы поэтому в полицию не заявили? Думаете, она уехала с другим?

Бен молча вздохнул. Грейс понимала, как ему неприятно спрашивать, в каком состоянии была его жена накануне, и удивилась, почему он не задал такого вопроса Нэнси. Догадка, что Бен не рассчитывал на честность этой особы, наполнила Грейс неуместной радостью.

– Мужчин там не было. Я не видела, чтобы Анна общалась с кем-то, кроме своей компании, клянусь вам.

– Тогда где она, черт побери? Где ее носит?

– Не знаю, – ответила Грейс. – Поэтому и нужно звонить в полицию.

– Вы правы, – кивнул Бен, но не двинулся с места. – Может, она вчера… – Он нахмурился. – Может, с ней что-то было не то?

С Анной много чего было не то, подумала Грейс, не зная, говорить ли о том, что весь вечер Анна старалась от нее отделаться и не скрывала, что жалеет, что вообще пригласила ее. Или что к концу вечера общение Анны с подругами стало более прохладным. Или что ни одна из упомянутых подруг не сделала попытки вовлечь Грейс в разговор, а Анна пальцем не шевельнула, чтобы изменить ситуацию. В конце концов Грейс решилась упомянуть, что, по ее мнению, объяснения подруг не совсем правдивы.

– Я слышала, что ближе к концу вечера между ними произошла ссора, и, хотя Нэнси уверяла меня, будто Анна уехала первой, я выяснила – это ложь. Когда приехало такси, они сидели вчетвером.

– То есть они оставили Анну в пабе?

– Судя по всему, да.

– Но утром Нэнси мне другое говорила.

– Мне тоже. Я считаю, они скрывают правду о том, чем закончился вечер. На школьном дворе они отвечали уклончиво.

– Бессмыслица какая-то. Зачем тогда Нэнси мне сказала, что Анна ушла, не попрощавшись?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/perks_heydi/sluhi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити